

МОРСКОЙ

Св. Павелъ Исповѣдникъ.

ЖУРНАЛЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ. ИЗДАНІЕ КАЮТЬ-КОМПАНИИ ВЪ ПРАГѢ.
Годовая подписка — 2 ам. долл. Цѣна этого номера — 5 кр. чешск.

Октябрь-Ноябрь 1937 г. № 118-119 (10-11). X годъ изданія.

Содержаніе: К1р. Д. В. Денъ — 6 ноября. Протопресв. Г. Шавельскій — Очеркъ исторіи церкви Морск. Корпуса. Морской Семьѣ — къ празднику 6 ноября. Юбилианты. † Фл. г.-л. В. М. Линденъ. Панихида. Кн. В. Барятинскій — Страшная исторія. К2р. А. П. Лукинъ — Гнѣздо Петрово. В. Н. Вѣчеславскій — Послѣдніе гардемарины. Коргард. Г. А. Усarovъ — 20 лѣтъ спустя. Коргард. А. П. Покотиловъ — Выпускъ 6-XI-22.

Закладка морского храма въ Бизертѣ.

ПОЧТО- ГРАММА

Сердечно поздравляю всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ Морского Корпуса съ нашимъ праздникомъ 6-го ноября. Долгіе годы на чужбинѣ не изгладили и не изгладятъ нашей любви и воспоминаній о родномъ Императорскомъ Флотѣ.

Срокъ возвращенія на Родину приближается и мы должны быть готовы къ этому.

Шлю всѣмъ сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія.

6/19 Ноября 1937г.

С.Бріакъ.

Григорий

6-ое НОЯБРЯ.

Обломки храмины, поверженной въ пучину,
Вы, уцѣлѣвшіе средь горя и заботъ,—
Вамъ, други, мой привѣтъ въ святую годовщину
Чрезъ веси и моря пусть вѣтеръ донесетъ.

Какъ чайки послѣ бурь разсѣяны вы нынѣ
И множество границъ легло между друзей,
Но въ этотъ славный день ихъ нѣту и въ поминѣ,
Мы снова вмѣстѣ всѣ среди родныхъ сѣней.

Душой мы снова тамъ, гдѣ Царственнымъ велѣньемъ
Державная Нева одѣлася въ гранитъ.
Развѣнчана теперь печальнымъ привидѣньемъ
Столица прежняя теперь еще стоить.

Вы помните ли день счастливый, незабвенный,
Когда старинныхъ стѣнъ покинувши оплотъ,
Какъ юные птенцы душою дерзновенной
Мы вдохновленный свой предприняли полетъ?

Плѣнялись мы тогда и подвигомъ, и славой,
И многіе изъ нась ихъ съ смертью обрѣли,
Склонимся же главой предъ жертвой ихъ кровавой,
Помолимся за тѣхъ, кто съ честью полегли.

Помянемъ, братья, тѣхъ, кто долгу Царской службы
Насъ обучали, тѣхъ, кто наставляли насъ,
И всѣхъ, кто на пути трудовъ, забавъ и дружбы
Дѣлили съ нами жизнь въ лихой и добрый часъ.

А вы, товарищи, сотрудники когда-то,
Вы, братья младшіе, лихіе молодцы,
Красой и гордостью кроваваго разврата
Вы сдѣлались теперь, несчастные глупцы!

Господь вамъ Судія, и въ этотъ день завѣтный
Мы мыслю далеки отъ темныхъ вашихъ дѣлъ,
Мы съ тѣми, кто совершивъ свой подвигъ незамѣтный,
Избрали доблести и вѣрности удѣль.

Мы съ тѣми, съ кѣмъ тогда на гладкой водѣ лазури,
Подъ знакомъ тропиковъ, въ Гиппербoreйскихъ льдахъ,
Подъ урагана вой и въ вихрѣ снѣжной бури
И въ битвы грозный часъ, безъ трепета въ сердцахъ
Дѣлили мы судьбы и ласки, и неизгоды,
И гордую красу Россійскихъ кораблей;
Но эти дни прошли, небесъ померкли своды
И некуда идти средь чуждыихъ намъ путей.

Лишь въ прошломъ мы живемъ. Грядущее въ туманѣ.
А настоящее и мрачно, и темно,
Шумитъ девятый валъ въ безбрежномъ океанѣ
И превозмочь его не намъ ужъ суждено.

Послѣдніе лучи былой Россійской Славы
Вѣнчали намъ чело торжественнымъ вѣнкомъ,
Мы — гордые сыны блистательной Державы
И чистъ нашъ бѣлый стягъ съ Андреевскимъ крестомъ!

Флигель-адютантъ, кап. 1 ранга Д. В. ДЕНЪ.

Производства 8 сент. 1892 г. † въ Римѣ 22 августа 1937 г.

Протоиересвітеръ Георгій Шавельскій, Софія.

Очеркъ исторії церкви Морского Корпуса.

15 марта текущаго года исполнилось ровно 140 лѣтъ со дня освященія церкви Морского Корпуса, храмовой праздникъ которой чтится бывшими воспитанниками Корпуса такъ трогательно, что стала за рубежомъ праздникомъ Флота.

16 марта 1797 года Главный Директоръ доносилъ Императору Павлу I-му: «Имъю счастье всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что вчерашняго дня въ Морскомъ Шляхетномъ Корпусѣ освящена церковь во имя Святого Исповѣдника Архіепископа Павла, коего память празднуется въ день всерадостнѣйшаго восшествія Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Престолъ. Освященіе совершилъ Преосвященный Иннокентій, Архіепископъ Псковскій, и къ тому приглашены были: Главнокомандующій въ городѣ, Графъ Буксгевденъ, Члены Адмиралтействъ-Коллегіи и начальствующіе надъ училищами. Архимандритъ Ксенофонть, законоучитель въ Корпусѣ, сказывалъ по этому случаю проповѣдь».

140 лѣтъ прошло съ этого знаменательного для Корпуса — и для всего Флота — дня и случаю приличествуетъ дать на страницахъ «Морского Журнала» краткую историческую справку о церкви Корпуса.

Всѣмъ, а морякамъ болѣе, чѣмъ кому либо иному, известно, что каждый, пожелавшій коснуться того или иного вопроса, связанного съ жизнью Флота, неминуемо долженъ начать со временъ Великаго Преобразователя Руси — Императора Петра I-го. Мы знаемъ, что Петра Великаго единственными почти школами на Руси были школы церковно-приходскія; характеръ образованія въ этихъ школахъ былъ исключительно религіозно-нравственный; предметами обученія — неизмѣнныи Азбучникъ и Букварь, затѣмъ Часословъ и Псалтирь и въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ верхъ совершенства, Апостоль и нѣкоторыя біблейскія книги. Школы эти были всесословными.

Не такія школы нужны были Великому Преобразователю: ему нужны были школы, которыя давали бы уже готовыхъ «служилыхъ людей». Геніальнымъ умомъ своимъ Императоръ предопредѣлилъ три типа школъ, Ему нужныхъ. Во первыхъ, высшая, университетская, или, точнѣе, политехническая школа, изъ которой бы «во всякія потребы люди, благоразумно учась, происходили: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачебное искусство». Во вторыхъ, среднія профессиональныя школы, чтобы «младыхъ россійскихъ людей въ малое время въ такое совершенство поставить, дабы всѣ гражданскіе и военные чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, канцеляріяхъ и магистратахъ и прочая, своими природными наполнить». И, наконецъ, въ третьихъ, низшія, об-

щеобразовательныя школы, но съ программой, болѣе подходящей къ жизни, чѣмъ упомянутыя выше церковно-прих. школы.

Ни самому Петру Великому, ни Его ближайшимъ преемникамъ не удалось создать школъ первого и послѣдняго типовъ. Но именно Онъ, благодаря Своей кипучей энергіи и рѣшительности, покрылъ Россію цѣльымъ рядомъ школъ второго типа: «навигацкихъ», «циферныхъ», «гарнизонныхъ» и даже специальнѣ «духовныхъ»; въ нихъ готовились хорошие чиновники, моряки, церковники — эти помощники Великаго Петра въ дѣлѣ переустройства Имѣя государства Россійскаго.

Первою изъ такихъ школъ и была, основанная въ 1801 году въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ». Какъ показываетъ само ея название, устраивалась она для нуждъ создаваемаго Флота, для обучения мореходнымъ и хитростно наукъ ученія». Но такъ какъ первое время она была единственной школой, то явилась эта школа разсадникомъ и многихъ иныхъ знаній, напр., гидрографическихъ, архитектурныхъ, инженерныхъ, артиллерійскихъ и пр. Исторія преобразованія этой Навигацкой школы въ Морской Корпусъ извѣстна всѣмъ читателямъ «Мorsk. Журнала».

Была ли, да и могла ли быть, связана эта первая въ Россійскомъ государствѣ средняя школа съ церковью? Нѣть, не была и быть связанный не могла. Вѣдь, то былъ моментъ величайшей ломки государственной жизни, ожесточеннѣйшая борьба старого уклада съ новыми вѣяніями, напряженѣйшая работа во всѣхъ отрасляхъ жизни народа. Великій Преобразователь зналъ, что нужны Россіи и низшія и высшія школы, но Ему нужны были помощники для настоящаго дня, помощники въ самомъ срочномъ порядкѣ. Вотъ почему и были созданы только среднія школы: низшее образованіе, пусть плохо, давали церковно-приходскія школы, высшее, въ то время, было роскошью... Продѣлавъ колоссальную, титаническую работу, Петръ Великій въ самые послѣдніе годы своего царствованія началъ усиленно хлопотать о подъемѣ общаго религіознаго образования въ Россіи и о соединеніи своихъ свѣтскихъ школъ съ церковными. Преемники Его продолжали намѣченную первымъ Императоромъ линію. Постепенно въ среднихъ школахъ начали вводить уроки Закона Божія — вначалѣ подъ именемъ Катехизиса; затѣмъ программа преподаванія Закона Божія расширяется, преподавателями становятся священники; наконецъ, при нѣкоторыхъ школахъ появляются собственныея домовыя церкви. Слѣдуетъ отмѣтить, что первая домовая церковь была освящена въ зданіи младшаго брата Морского Корпуса — въ зданіи основанного въ 1731 году «Сухопутнаго Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса» — въ 1744 году въ присутствіи Императрицы. По примѣру этой церкви стали устрояться домовыя

церкви и при другихъ училищахъ. При преобразованіі въ 1752 году Морской Академіи въ Морской Шляхетскій Кадетскій Корпусъ было предположено устроить при Корпусъ церковь. Дѣло съ устроеніемъ своей церкви при Корпусъ задержалось изъ-за неимѣнія средствъ, но мысль о необходимости церкви для Корпуса, возникшая значительно раньше, заглохнуть уже не могла. До устройства собственной церкви Морской Корпусъ, въ званіі еще Морской Академіи, приписывается къ одной изъ существующихъ церквей Морского Вѣдомства, а именно къ такъ называемой «церкви Св. Николая Чудотворца, что на Морскомъ Полковомъ дворѣ». Эту церковь, хотя и приходскую, и принято считать первою церковью Морского Корпуса. Вначалѣ это была простая часовня, сооруженная около 1730 года для морскихъ артиллерійскихъ служителей. Находилась она близъ Синяго моста, гдѣ въ наше время стояли дома Государственного Контроля и Американской компаніи. Въ 1733 году, по просьбѣ Адмиралтействъ-Коллегіи, Св. Синодъ постановилъ вмѣсто этой часовни устроить въ Морскомъ Полковомъ дворѣ полотняную церковь, освященную также во имя Святителя и Чудотворца Николая. Впослѣдствіи старыя казармы были уничтожены и замѣнены новыми «свѣтлицами»: въ этихъ свѣтлицахъ церкви Святителя Николая было отведено особое деревянное зданіе. Эта послѣдняя церковь просуществовала до 1761 года, т. е. до тѣхъ поръ, пока, съ одной стороны, небыла закончена постройка Морского Богоявленского собора, куда и перешла церковь Св. Николая, а, съ другой, не была устроена собственная церковь въ Морскомъ Корпусъ. Вотъ въ эту то деревянную церковь въ свѣтлицахъ Морского Полкового двора и должны были ходить по праздникамъ и постамъ «Морская Гвардія» Академіи, а потомъ въ первые годы существованія Морского Корпуса — воспитанники Корпуса.

Дальность разстоянія, невозможныя дороги, своеобразіе жизни воспитанниковъ Академіи и Корпуса — все это сводило на нѣть наличіе приходской церкви: многіе воспитанники по цѣлымъ мѣсяцамъ не посѣщали церковь, находя всегда уважительныя причины. Около 1756 года кадеты Корпуса были помѣщены въ зданіи Корпуса; церковь «что на Морскомъ Полковомъ дворѣ» не посѣщалась совершенно; тогда былъ назначенъ въ Корпусъ особый священникъ, который отправлялъ въ Корпусъ обычное богослуженіе, и только въ важныхъ случаяхъ направлялъ своихъ богомольцевъ въ приходскую церковь. Наконецъ, во исполненіе Высочайшаго указа Августѣйшей Дочери Петра Великаго — Императрицы Елизаветы Петровны отъ 15 декабря 1752 года было приступлено къ устройству собственной церкви Корпуса «со священникомъ, діакономъ, двумя церковниками и пономаремъ».

Прошло еще ѿѣлыхъ девять лѣтъ, прежде чѣмъ Морской Корпусъ получилъ свою церковь. За эти девять лѣтъ была продѣлана большая работа. Домъ Миниха былъ малъ — были прикуплены соѣдніе дома, исправлены и расширены помѣщенія. Надо было расформировать обѣ «Академіи», Морскую Артиллерійскую школу и Гардемаринскую роту, и изъ упраздняемыхъ учрежденій сформировать и укомплектовать Корпусъ. Не хватало, конечно, денегъ... И только по устройствѣ этихъ самыхъ неотложныхъ дѣлъ приступили къ устроенію церкви.

18 января 1761 года Адмиралтействъ-Коллегія повелѣла Корпусу «въ показанныхъ по плану нижняго аппартамента палатахъ поставить церковь». Прошелъ мѣсяцъ съ небольшимъ и 10 марта 1761 года исполняющей должность директора Морского Корпуса к1р. Андрей Михайловичъ Давыдовъ донесъ Коллегіи, что 4 марта церковь Корпуса была освящена въ честь того же святого, что и бывшая Полковая церковь, т. е. въ честь Свят. и Чудотв. Николая. Т. обр., день 4 марта 1761 г. долженъ почитаться первымъ днемъ первой собственной церкви Морского Корпуса. Была она расположена въ нижнемъ этажѣ корпусного дома, въ «покояхъ» съ низкими, какъ и въ наше время, потолками, была очень бѣдна и неудобна.

Два большихъ событія произошло въ жизни Корпуса и его первой церкви: первое возвѣщено было указомъ Императора Петра Федоровича о соединеніи Морского Корпуса съ Сухопутнымъ и Инженернымъ Училищемъ подъ одну Главную Дирекцію. Указъ вышелъ 24 апрѣля, а 5 іюля служащіе и воспитанники Корпуса были уже приняты подъ команду новаго начальника — Морскому Корпусу грозила потеря своей самостоятельности. Но уже на слѣдующій день, 6-го іюля, вступившая на престолъ Императрица Екатерина II вернула Корпусу прежнее устройство. Второе событіе произошло 23 мая 1771 года и кончилось для Корпуса и его первой церкви печально. Огромный пожаръ уничтожилъ не только Морской Корпусъ, но почти половину Васильевского острова... Многолѣтнія заботы правительства и Морского Вѣдомства, казалось, готовы были разсыпаться въ прахъ отъ этого пожара. Но Корпусъ пережилъ и это бѣдствіе: осенью 1771 года онъ переселился въ Кронштадтъ и въ Итальянскомъ дворцѣ, гдѣ въ наше время помѣщалось Инженерное Училище, провелъ 26 лѣтъ, «тяжелыхъ и мрачныхъ, вдали отъ міра и людей, почти беспомощный», но не утратившій вложенныхъ въ него силъ, какъ читаемъ мы въ воспоминаніяхъ о Корпусѣ.

Въ этомъ Итальянскомъ дворцѣ была устроена вторая собственная церквь Морского Корпуса. Она была освящена 15 февраля 1772 года во имя того же Святителя, что и сгорѣвшая церковь въ Санктъ-Петербургѣ. Она два раза перемѣща-

лась, но и по ви́шнему своему виду и по внутреннему своему расположению была недалека отъ Петербургской своей предшественницы.

О возвратѣ Корпуса въ С.-Петербургъ не было и мысли, и когда въ 1783 году число его воспитанниковъ было рѣшено увеличить съ 360 до 600 человѣкъ, то думали построить для Корпуса въ Кронштадтѣ же новое помѣщеніе, но потомъ, въ 1792 году, по Высочайшему повелѣнію, отвели для него роскошный Ораніенбаумскій дворецъ, а въ 1794 г. зданіе Корпуса въ С.-Петербургѣ, «Миниховъ домъ», отдали подъ «Корпусъ Чужестранныхъ Единовѣрцевъ». Не успѣль еще Корпусъ Чужестранныхъ Единовѣрцевъ какъ слѣдуетъ устроиться въ старомъ зданіи Морского Корпуса, какъ произошли события величайшей важности: 6 ноября 1796 г. пронеслась громовая вѣсть о кончинѣ Императрицы Екатерины Великой. На Императорскій престолъ вступилъ Августѣйший Генералъ-Адмиралъ Флота Цесаревичъ Павель Петровичъ, который однимъ изъ первыхъ своихъ распоряженій оставилъ за собою званіе Генералъ-Адмирала, а черезъ мѣсяцъ, 8 декабря 1796 г., далъ на имя Главнаго Директора Морского Корпуса адмирала Голенищева-Кутузова рескриптъ, въ коемъ повелѣль «принять въ свое вѣдѣніе домъ Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ и обратить оный подъ Морской Шляхетный Корпусъ»... На третій день часть Корпуса была уже въ С.-Петербургѣ, черезъ мѣсяцъ переселилась другая значительная часть, а черезъ два года, какъ только отстроено было столовое зало, и остальные воспитанники Корпуса. Слѣдуетъ отмѣтить, что столовое зало было освящено 9 октября 1799 года въ присутствіи Адмиралтействъ-Коллегіи и всѣхъ воспитанниковъ Корпуса.

Въ наслѣдіе отъ Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ Морской Корпусъ получилъ почти готовое новое помѣщеніе для церкви. Оно было устроено въ новомъ, третьемъ этажѣ зданія, на сооруженіе котораго пошло 8.000 рублей. Всѣ работы производились подъ руководствомъ знаменитаго въ то время архитектора, проф. Академіи Ф. И. Волкова. Въ 1796 г. стѣны церкви, равно какъ и стѣны конферанцъ-зала и «зала передъ нимъ» были расписаны также известнымъ академикомъ А. Н. Воронихинымъ. Къ моменту переселенія Морского Корпуса въ свое прежнее зданіе церковь была почти готова.

Эта церковь является третьей собственной церковью Морского Корпуса и была она освящена, какъ сказано выше, 15 марта 1797 года.

И 140 лѣтъ тому назадъ церковь Морского Корпуса была по ви́шнему своему виду и по внутреннему устройству почти такой, какой привыкли видѣть ее воспитанники Корпуса, находящіеся сейчасъ за рубежомъ свой Родины. Самое главное и

дорогое для молящихся въ церкви — ея иконостасъ оставался и въ наше время такимъ, какимъ былъ въ 1796 году. Такъ же, какъ и въ наше время, направо отъ Царскихъ дверей помѣщался образъ Христа Спасителя, за нимъ, на южной двери, образъ Архангела Михаила, поражающаго дракона, а далъе, у праваго клироса — образъ Св. Павла Исповѣдника, на груди у котораго, на золотой цѣпочкѣ, изображенъ привѣшенныи, по преданію, по жeanлію самого Императора, небольшой орденскій знакъ Св. Анны; сверху образа надпись: «Архіепископъ Павелъ», а внизу — «День всерадостнаго восшествія на престолъ Его Императорскаго Величества, 6-го ноября 1796 года». Орденъ Св. Анны былъ тогда только что включенъ въ число орденовъ русскихъ и имъ Государь награждалъ и дух. лицъ.

За 120 лѣтъ своего свободнаго существованія церковь Морского Корпуса заботами священнослужителей и прихожанъ значительно украсилась. Мы не имѣемъ возможности отмѣтить всего сдѣланнаго для ея благолѣпія, а отмѣтимъ главнѣйшее. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія стѣны церкви были раздѣланы подъ мраморъ и украшены черными мраморными досками съ именами офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота, убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ, а также погибшихъ при кораблекрушеніяхъ и при исполненіи своихъ обязанностей. Доски первого типа появились въ 1854 году по мысли и на средства тогдашняго шефа Морского Корпуса Вел. Князя Константина Николаевича, а вторыя — въ 1892 г. по мысли и повелѣнію Государя Александра III. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ были сдѣланы капитальныя передѣлки и улучшенія: реставрированъ иконостасъ, въ задней части церкви по бокамъ поставлено было по парѣ мраморныхъ колоннъ, служащихъ для поддержки боковыхъ кессоновъ, между которыми, на верху, крупными позолоченными буквами было написано: «Отче святый, соблюди ихъ во имя Твое»; написано было нѣсколько новыхъ образовъ, среди которыхъ былъ большой во всю стѣну образъ Спасенія Петра утопающаго, съ подписью: «Кто есть Сей, яко и вѣтра и море послушаютъ Его». 30 сентября 1893 года о. Іоанномъ Кронштадтскимъ совершено было освященіе обновленной церкви.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія церкви, точнѣе, четырехъ церквей Морского Корпуса, въ которыхъ возносили молитвы воспитанники Колыбели Флота почти за все время своего существованія. И о васъ, пребывающихъ заграницей, чущихъ храмовой праздникъ Морского Корпуса и сдѣлавшихъ его праздникомъ Флота, усердно молюсь я словами, знакомыми вамъ отъ корпусныхъ дней: «Отче Святый, соблюди ихъ во имя Твое!»

Протопресвитеръ Георгій Шавельскій.

Морской Семьѣ — къ празднику 6 ноября.

— Отъ души поздравляю морскую семью съ праздникомъ 6 ноября. Вѣрю, что близокъ часъ паденія жида-масонской власти надъ нашей поруганной Россіей. Сила креста побѣдить сатанинскую власть! Но для торжества креста нужна вѣра, а не слова, нужно дружно работать и быть болѣе сплоченными, чѣмъ мы въ данное время.

За Россію и родной Андреевскій флагъ!

Никита Александровичъ.

Совѣтъ Старѣйшинъ ВОМО

шлетъ всѣмъ морскимъ организаціямъ и отдельно разсѣяннымъ по бѣлому свѣту морякамъ поздравленія съ нашимъ морскимъ праздникомъ и сердечные пожеланія всего лучшаго.

Адмиралъ Русинъ.

*Совѣтъ и члены Морского Собрания
и члены Морского Исторического имени адм. Колчака Кружка*
поздравляютъ съ праздникомъ Морского Корпуса всѣхъ членовъ морской семьи, разбросанныхъ по всему свѣту, и желаютъ всѣмъ здоровья, энергіи и бодрости.

*Предсѣдатель Совѣта и В.-Морского Исторического имени адм. Колчака
Кружка адмиралъ П. Муравьевъ.*

Объединеніе б. воспитанниковъ

Морского Инженернаго Училища Императора Николая I

сердечно поздравляетъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ Морского Училища и Морского ЕИВ Наслѣдника Цесаревича Корпуса съ дорогимъ всѣмъ праздникомъ Св. Павла Исповѣдника, горячо желаетъ здравія и полного благополучія, а въ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ своей прекрасной, неповторяемой юности забыть все грустное, обидное и подлое, нась угнетающее, дабы съ обновленнымъ сердцемъ, съ отдохнувшимъ сегодня душою и съ новыми силами убѣжденno ждать и быть готовыми встрѣтить грядущее освобожденіе дорогой нашей Россіи.

М. П. Ермаковъ.

— Наша небольшая

Каютъ-Компания въ Софіи

соберется въ этотъ день на трапезу семейную, чтобы выпить за здоровье всѣхъ русскихъ Каютъ-компаний, разсѣянныхъ по всему свѣту! Она не теряетъ надежды встрѣтить коллегъ на Родинѣ въ добромъ здравіи и вспомнить минувшее.

В. Давидовичъ-Нащинский.

— Всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ Морского Училища и Корпуса, а также Морского Кадетскаго Корпуса въ Севастополѣ сердечно поздравляю съ дорогимъ намъ праздникомъ 6-го ноября и шлю искренній привѣтъ.

Вице-адмиралъ Ворожейкинъ.

Комитетъ Старшинъ Ниццаго Общества Морскихъ Офицеровъ поздравляетъ, отъ имени всей Каютъ-Компани, дорогихъ однокашниковъ, соратниковъ, сослуживцевъ и соплаввателей съ праздничнымъ для нась всѣхъ днемъ св. Павла Исповѣдника.

В. К. Пилкинъ, И. А. Кобеляцкій, В. А. Борисовъ, С. Н. Васильевъ, Ю. Я. Азаревичъ.

— Шлю сердечный привѣтъ и искрення поздравленія по случаю праздника 6-го ноября всей русской морской семьѣ, находящейся на чужбинѣ.

Контръ-адмиралъ Л. Ивановъ.

— Прошелъ еще годъ тяжкихъ испытаній, всевозможныхъ лишеній и разочарованій. И, несмотря на все,

Союзъ Морскихъ Офицеровъ Императорскаго Флота въ Бельгіи прожилъ этотъ годъ спокойно, оставаясь вѣрнымъ старымъ традиціямъ и продолжая вѣрить въ грядущее свѣтлое будущее, когда настанетъ день нашей встрѣчи снова въ стѣнахъ дорогого намъ Морского Корпуса.

Просимъ принять наши поздравленія и наилучшія пожеланія всѣ морскія организаціи, разсѣянныя по всему свѣту, также какъ и отдѣльныхъ чиновъ Флота и Морскаго Вѣдомства.

Контръ-адмиралъ Фабрицкій.

Харбинскій Кружокъ Морскихъ Офицеровъ,
вознеся молитвы объ упокоеніи Державнаго Основателя Морского Корпуса, питомцевъ Корпуса, а равно и всѣхъ моряковъ, за Вѣру, Царя и Отечество животь свой положившихъ и въ годину лихолѣтья умученныхъ и убиенныхъ, — поднимаетъ бокаль за всѣхъ нынѣ здравствующихъ начальниковъ, соплавателей и друзей, глубоко вѣря, что приблизились сроки воскресенія нашей Родины и возрожденія родного флота.

Предсѣдатель ст. лейт. В. Кондрашевъ.

Секретарь ст. лейт. Д. Жемчужинъ.

Копенгагенская Группа Морскихъ Офицеровъ
поздравляетъ всѣхъ бывшихъ питомцевъ родного Корпуса съ общимъ дорогимъ праздникомъ 6-го ноября.

Капитанъ 2 ранга въ отставкѣ А. А. Папаригопуло, Флота ген.-м. Н. Ф. Фогель, кап. 1 р. Ф. П. Шамшевъ, кап. 2 р. А. А. фонъ Транзе; подполковникъ Корпуса Гидрографовъ А. Н. Нордманъ, ст. лейт. Г. В. Вахтинъ, ст. лейт. Б. А. Арскій, лейт. О. О. фонъ Ферсманъ, контръ-адм. М. М. Римскій-Корсаковъ.

Общество бывшихъ Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ
сердечно поздравляетъ зарубежную морскую семью съ дорогимъ
намъ всѣмъ праздникомъ 6-го ноября. Шлетъ свои искреннія
пожеланія всѣмъ здоровья и благополучія, а также силъ и воз-
можностей для дружной работы на возрожденіе Великой Россіи
и ея Флота.

Предсѣдатель Общества ст. лейт. С. Гладкій.

Кружокъ Морскихъ Офицеровъ въ Румыніи
поздравляетъ всѣхъ съ дорогимъ корпуснымъ праздникомъ.
Н. Саблинъ.

Военно-Морской Кружокъ „Звено“ въ Бринѣ
привѣтствуетъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ Морского Кор-
пуса съ праздникомъ 6-го ноября.

Предсѣдатель кор. гард. Н. Гіацинтовъ.

Секретарь ох. флота М. Бутаковъ.

Каютъ-Компанія Морскихъ Офицеровъ въ Пловдивѣ
шлетъ привѣтъ и сердечные поздравленія съ днемъ 6-го нояб-
ря всѣмъ членамъ морской семьи, находящимся за рубежомъ.
Предсѣдатель к2р. Трутовскій.

Предсѣдатель Отдѣла Военно-Морского Союза въ Чехословакіи
сердечно поздравляетъ всѣхъ членовъ морской семьи съ мор-
скимъ праздникомъ.

Капитанъ 1 ранга Подгорный.

Члены Общества Взаимопомощи Морскихъ Офицеровъ
въ Финляндіи

шлютъ ко дню храмового праздника Морского Корпуса и Флота
свои сердечные поздравленія и наилучшія пожеланія всей мор-
ской семье.

Предсѣдатель к1р. А. Армфельтъ.

Секретарь лейт. Н. Загорянскій-Кисель.

Каютъ-Компанія въ Санъ-Франциско

поздравляетъ всю морскую семью съ праздникомъ Флота и
желаетъ скорѣйшаго торжества нашихъ общихъ надеждъ.

Предсѣдатель ст. лейт. М. Ю. Горденевъ.

Секретарь гардемаринъ В. А. Доброчаевъ.

— Поздравляемъ однокашниковъ, соплавателей и сослу-
живцевъ съ праздникомъ 6 ноября — днемъ единенія.

В. Оффенбергъ, С. Оффенбергъ, М. Стакевичъ.

*Кружокъ б. воспитанниковъ Морского Корпуса
и
Бѣлградское Морское Объединеніе*

сердечно поздравляютъ однокашниковъ и всѣхъ членовъ морской семьи съ праздникомъ колыбели Флота — Морского Корпуса, съ праздникомъ, который за рубежемъ сталъ днемъ духовнаго объединенія всѣхъ моряковъ, разсѣянныхъ по всему миру, и шлютъ имъ горячее пожеланіе вновь увидѣть на русскихъ корабляхъ Андреевскій флагъ, стяжавшій славу и величіе Россіи.

Предсѣдатель Кружка

кап. 1 р. Фроловъ.

Секретарь ст. лейт. Прейсъ.

Предсѣдатель Объединенія

кап. 2 р. Макаровъ.

Секретарь ст. лейт. Мурзинъ.

Марсельский Отдѣлъ Военно-Морского Союза

и

Каютъ-Компания Морскихъ Офицеровъ и чиновъ Морского Вѣдомства въ г. Марсель

поздравляютъ морскую семью съ дорогимъ праздникомъ Морского Корпуса и въ переживаемыя нами тяжелыя минуты призываютъ всѣхъ еще болѣе тѣсно духовно сплотиться, почерпнувъ силы въ старыхъ доблестныхъ завѣтахъ и традиціяхъ, переданныхъ намъ родной колыбелью русскаго Флота.

Предсѣдатель инж.-мех. Флота ген.-майоръ Ивановъ.

Секретарь кап. 2 ранга Федосѣевъ.

Проживающіе въ Англіи

б. воспитанники Морского Училища и Корпуса и Морского Инженернаго Училища и лица, служившія въ Императорскомъ Россійскомъ Флотѣ, поздравляютъ своихъ дорогихъ сослуживцевъ и однокашниковъ съ морскимъ праздникомъ и шлютъ имъ сердечныя пожеланія силъ, здоровья и бодрости.

Князь Андрей Александровичъ, князь Никита Александровичъ, Н. Волковъ, М. Смирновъ, Ф. Барыковъ, М. Кнюпферъ, Г. Чаплинъ, Б. Аверкиевъ, В. Молоховецъ, Н. Федоровъ, В. Саксъ, Б. Брандтъ, К. Теннисонъ, Р. Ловягинъ, К. Дриженко, В. Черникѣевъ, П. Бѣлявинъ.

Каютъ-Компания въ Сеаттлѣ

въ день нашего традиціоннаго обще-морскаго праздника шлетъ сердечный привѣтъ, поздравленія и лучшія пожеланія всѣмъ разбросаннымъ судьбою по разнымъ странамъ членамъ нашей единой и нераздѣльной морской семьи.

Гардемаринъ Г. Никонишинъ, мичманъ Н. Андреевъ, ст. л. А. Степановъ, к2р. А. Покровскій, к1р. А. Никитинъ, к.-адм. Д. Никитинъ.

*Объединеніе офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота
въ Бельгіи*

поздравляетъ съ днемъ 6-го ноября и шлетъ всѣмъ сердечныя
пожеланія.

Предсѣдатель Объединенія к1р. Г. Быковъ.

— Поздравляемъ однокашниковъ, соплавателей и всѣхъ
офицеровъ Флота съ дорогимъ всѣмъ намъ праздникомъ 6-го
ноября и шлемъ всѣмъ наилучшія пожеланія.

Члены Военно-Морского Кружка „Звено“ въ Словакіи: Н. Горкавенко,
Ю. Степановъ, В. Каппель, Г. Торинъ, П. Вознесенский.

— Въ наступающій памятный и дорогой каждому питомцу
Морского Училища и Корпуса день 6. XI, всегда бывало такъ
торжественно праздновавшійся въ СПБургѣ, наша небольшая
группа морскихъ офицеровъ на Волыни шлетъ всей Морской
Семьѣ, „Морскому Журналу“ и всѣмъ его читателямъ нашъ
сердечный привѣтъ и поздравленія. К.-адмиралъ А. Кононовъ.

Въ Эстоніи

благоговѣйно чтимъ день Св. Павла Исповѣдника и тепло вспо-
минаемъ тѣхъ, кто его не забываетъ.

Старши: К. К. Клапье де-Колонгъ, П. П. Левицкій,
Р. К. Фельманъ, А. Л. Лятошинскій и Э. К. Шульцъ.

Группа морскихъ офицеровъ

на Филиппинскихъ островахъ

поздравляетъ Морскую Семью за рубежомъ съ нашимъ тради-
ционнымъ праздникомъ.

В. В. Ковалевскій, Б. И. Анисимовъ, Б. В. Бурый, О. И. Бѣляевъ,
Д. В. Зюгановъ, Л. А. Маляревскій, Ю. П. Овсянниковъ,
В. С. Чарнецкій, Р. А. Штурмеръ.

Всѣмъ морскимъ объединеніямъ.

Комитетъ по сооруженію Храма-Памятника кораблямъ
русской эскадры въ Бизерть во имя св. Благовѣрного Великаго
Князя Александра Невскаго сердечно поздравляетъ морскихъ
офицеровъ съ праздникомъ родного Корпуса и шлетъ наилуч-
шія пожеланія изъ Бизерты — послѣдней стоянки Флота.

Одновременно Комитетъ обращается ко всѣмъ Морскимъ
Объединеніямъ за рубежомъ съ горячимъ призывомъ въ день
корпусного праздника произвести посильный сборъ на оконча-
ние начатой уже постройки нашего морского Храма-Памятника.
Сборъ этотъ будетъ нашимъ общимъ морскихъ взносомъ отъ
имени Морского Корпуса, воспоминанія о которомъ такъ доро-
ги каждому моряку.

Свистать всѣхъ на верхъ помочь хорошему дѣлу!!!...

Пожертвованія просимъ направлять по адресу казначея: Mr
Janouchevsky, Maison Hersent, rue d'Espagne, Bizerte (Tunisie).

Ю б и л я н т ы .

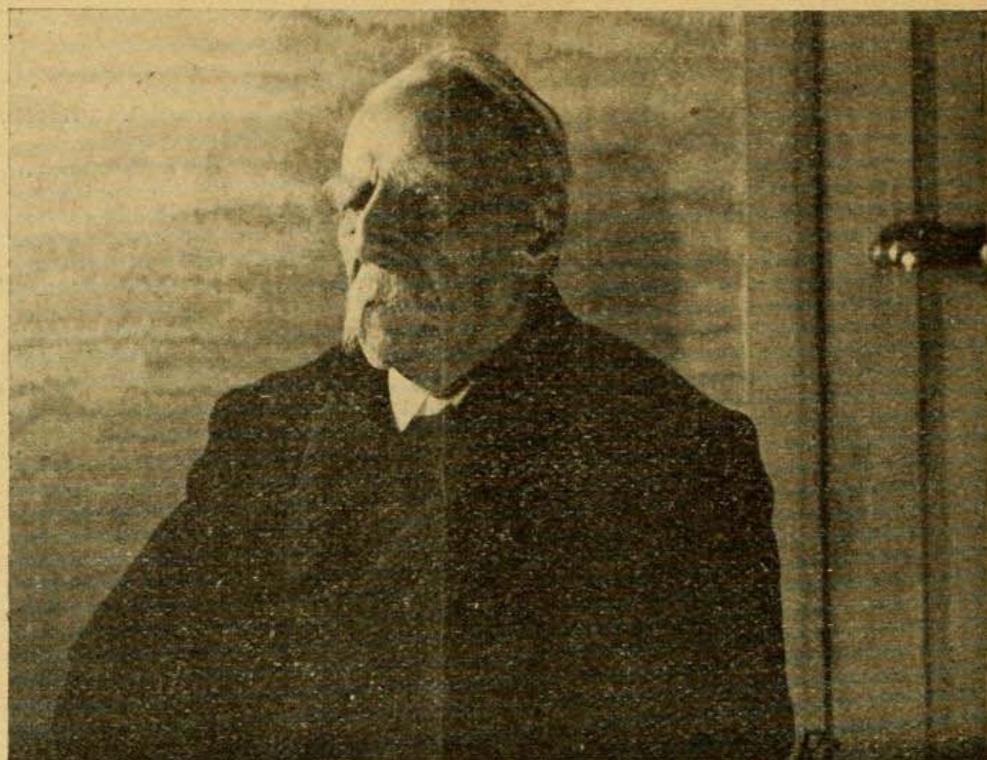
Въ текущемъ году исполнились юбилейные даты производства слѣдующихъ выпусксовъ:

- 60 лѣтъ** — выпуск 1887 г. — к.-адм. А. А. Кононовъ.
- 55 лѣтъ** — вып. 1882 г.: адмиралы П. П. Муравьевъ, А. И. Русинъ, в.-а. Е. К. Крафтъ, к1р Г. В. Шумовскій, А. А. Папаригопуло, А. Г. Григорьевъ.
- 50 лѣтъ** — вып. 1887 г.: в.-адм. Н. Н. Коломейцовъ, А. А. Хоменко, к.-а. И. С. Денисовъ, к1р В. З. Бурхановскій и ген.-м. В. К. Чернышевъ.
- 45 лѣтъ** — вып. 1892 г.: к.-адм. Н. М. Григоровъ, В. В. Ковалевскій, к1р А. И. Лебединскій, Н. Э. Струве.
- 40 лѣтъ** — вып. 1897 г.: к.-а. В. Н. Шрамченко, к1р Н. В. Сомовъ и др.
- 35 лѣтъ** — вып. 1902 г.: Б. Ю. Аверкіевъ, А. В. ф. Бергъ, Э. И. Вѣщинскій, А. А. Воробьевъ, Б. П. Дудоровъ, А. Н. Заевъ, В. И. Медвѣдевъ, бар. Р. Р. Мирбахъ, П. А. Новопашенный, А. К. Пилькинъ, Б. М. Пышновъ, А. Н. Тихменевъ, А. А. Транзе, С. И. Чепурновъ, В. П. Шмитъ, Н. Д. Щербачевъ.
- 30 лѣтъ** — вып. 1907 г.: А. А. Бабакинъ, Б. Н. Бушенъ, Н. Ф. Вохинъ, В. А. Григорковъ, Ф. Ю. Довканть, бар. Г. Э. Зальцъ, В. Н. Кондрашевъ, Б. Э. Лидерсь, С. В. Николаевъ, Н. А. Новаковскій, Б. Н. Поморскій, В. А. Потапьевъ.
- 25 лѣтъ** — вып. 1912 г.: В. А. Алексѣевъ, Б. А. Борисовъ, Б. В. фонъ Брискорнъ, В. Ю. фонъ-Гагемейстеръ, М. П. Гейденрейхъ, В. В. Загорянскій-Кисель, Ф. Г. Кернъ, А. А. Краевъ, В. С. Макаровъ, Н. А. Монастыревъ, М. А. Мурzinъ, В. А. Николаевъ, В. Н. Сахаровъ, Б. Н. Степановъ, Л. Н. Трубчениновъ, А. Ф. Ульянинъ, А. И. Штехеръ, В. А. Штральборнъ, П. А. Эмеретли.
- 20 лѣтъ** — вып. 1915 г.: Н. Н. Лишинъ, В. А. де-Бальменъ, В. В. Червинскій, Н. А. Кричъ, Е. А. Куфтинъ, А. А. Бейерманъ, А. К. Гурскій, И. В. Дитерихсъ, В. В. Альгинъ.
- 15 лѣтъ** — выпускамъ изъ Морского Корпуса въ Бизертѣ: 1 марта, 5 іюля и 19 ноября во главѣ съ фельдфебелями: 1 выпуск К. К. Дорошенко, П. Э. Саноцкаго, Н. П. Гіацинто娃; 2 выпуск: ст. у. о. П. А. Варнека, Д. Полякова и 3 выпуск: фельдфеб. В. В. Гусева, Г. А. Усарова, И. С. Вишневскаго.

Редакція „Морского Журнала“ приноситъ искреннія поздравленія всѣмъ гг. офицерамъ перечисленныхъ выше выпусксовъ съ юбилеями производства ихъ въ офицерскіе чины и глубоко сожалѣеть, что по техническимъ причинамъ не имѣеть возможности перечислить всѣхъ однокашниковъ и ограничивается приведеніемъ фамилій только нѣкоторыхъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ журналомъ.

— Въ октябрѣ т. г. исполнилось 50 лѣтъ со дня производства въ мичманы флота ген.-майора **Владиміра Кузьмича Чернышева**, проживающаго въ настоящее время въ Ниццѣ. Всѣ во флотѣ знаютъ службу почтеннаго юбиляра и всѣ глубоко уважаютъ, а многіе и любятъ Владимира Кузьмича. Многіе и многіе являются его учениками по астрономіи и штурманскому дѣлу. И въ дни, когда мы вспоминаемъ Морской Корпусъ, болѣе чѣмъ умѣстно вспомнить одного изъ тѣхъ, кто дѣлалъ славную его исторію.

Пожелаемъ и мы, всѣ читатели журнала, глубокоуважаемому Владиміру Кузьмичу много силъ и здоровья.

†

30 октября с. г. на 96 г. жизни въ Парижѣ скончался отъ воспаленія легкихъ старѣйшій морякъ за рубежомъ, почетный предсѣдатель Каютъ-Компаниіи въ Прагѣ и членъ многихъ морскихъ организацій — флота генераль-лейтенантъ **Вильгельмъ Михайловичъ Линденъ** (выпуска 1862 года).

Со смертью Вильгельма Михайловича ушелъ изъ жизни Человѣкъ и Морякъ, жизнь которого была примѣромъ и образцомъ для насъ. Вѣчная и добрая память останется въ нашихъ душахъ о девяностолѣтнемъ генералѣ съ душою мичмана. О его кончинѣ съ болью въ сердцѣ узнаютъ члены морской семьи и читатели „Морского Журнала“, для которыхъ почившій сталъ близкимъ, роднымъ.

Осиrotѣвшимъ дѣтямъ и внукамъ Вильгельма Михайловича осиротѣвшая морская семья шлетъ сердечные соболѣзванія въ нашемъ общемъ горѣ.

КАЮТЪ-КОМПАНИЯ ВЪ ПРАГЪ

доводить до свѣдѣнія членовъ морской семьи, что
въ субботу 13 ноября въ 7 часовъ 30 минутъ
— въ ближайш. субботу передъ Храм. праздник. Морск. Корп. —
въ соборѣ св. Николая будетъ отслужена

ПАНИХИДА

по основателѣ Морского Корпуса
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ,
по Императорамъ **ПАВЛЪ I и НИКОЛАЪ II,**
по Августѣйшемъ Шефѣ Морского Корпуса
Наслѣдникѣ Цесаревичѣ АЛЕКСѢВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ,

по усопшимъ членамъ Каютъ-Компаний въ Прагѣ: флота ген.-лейт. Вильгельмѣ М. Линденѣ, к2р. Николаѣ Н. Макаровѣ, к.-адм. Гавріилѣ К. Пальчиковѣ, с. л. Сергѣѣ В. Плѣшко, лейт. Павлѣ П. Мудрохѣ, подп. по Адм. Александрѣ А. Потѣхинѣ, докт. Сергѣѣ С. Груздевѣ, Константинѣ А. Заржецкомъ и Сергѣѣ В. Саковичѣ и гард. Артеміи И. Тверянскомъ,

по усопшимъ морякамъ — родственникамъ лицъ, проживающихъ въ Прагѣ: адмиралѣ Робертѣ Н. Виренѣ, адм. Владимираѣ Абаза, к1р. Михайлѣ И. Никольскомъ, к2р Алексѣѣ А. Зуровѣ, лейтенантамъ: Рафаилѣ В. Насоновѣ, Алексѣѣ Н. Новосильцевѣ, Георгіи Л. Брусиловѣ, Николаѣ А. Гельшерти, Лѣвѣ В. Ковалевскомъ, мичм. Георгіи Г. Фусѣ, и.-м. к1р. Константинѣ М. Гурскомъ и юнк. флота Алексѣѣ А. Станиславскомъ,

по чинамъ флота, скончавшимся {въ истекшемъ году:
адм. Степанѣ Н. Воеводскомъ, к1р Сергѣѣ С. Политовскомъ,
мичм. Игорѣ Н. Поповѣ, ст. л. Борисѣ С. Безсмертномъ, к.-адм. Дмитріѣ А. Свѣшниковѣ, к.-а. Михайлѣ И. Федоровичѣ, к1р Борисѣ П. Ильинѣ, и.-м. к2р Иванѣ И. Пайдасы, ст. л. Николаѣ А. Галибинѣ, мичм. Лѣвѣ А. Пѣшковскомъ, подполковн. Евгеніѣ П. Кришкевичѣ, лейт. Владимірѣ Ф. Боталвѣ, к1р Гавріилѣ Г. Хоматяно, к1р Сергѣѣ В. Гордѣевѣ, к2р Алексѣѣ А. Остолововѣ, в.-а. Александрѣ Г. Нидермиллерѣ, в.-а. Василіи Н. Ферзенѣ, м. Василіи М. Орловѣ, ген.-м. Владимірѣ Е. Дмитріевѣ, лейт. В. М. Волковѣ, полк. Владимірѣ В. Яновскомъ, ст. л. Сергѣѣ Н. Романовѣ, ст. л. баронѣ Бодо Г. Шиллингѣ, лейт. Владимірѣ В. Крузенштернѣ, ст. л. Александрѣ И. фонъ-Дентерѣ, к2р Сергѣѣ Н. Нахимовѣ, к1р Николаѣ П. Саблинѣ, лейт. Леонидѣ Л. Слезкинѣ, к1р Дмитріѣ В. Денѣ, Эйнарѣ К. Швенкѣ

и по всѣмъ морякамъ усопшимъ, въ морѣ погибшимъ, на полѣ брани убиеннымъ, умученнымъ и за Вѣру, Царя и Родину животъ свой положившимъ.

Князь В. Барятинский, Парижъ.

Страшная история.

Да! Страшная это история и отнюдь даже не выдумка. Такъ все на самомъ дѣлѣ и произошло, а произошло это уже давно: мнѣ было тогда двѣнадцать лѣтъ и я только что поступиль въ Морское Училище...

Въ нижнемъ этажѣ зданія училища, окнами на Тринадцатую линію — улица такъ называлась — находилось помѣщеніе четвертой роты, иначе говоря, двухъ младшихъ классовъ. Одно изъ оконъ было особенно примѣчательно: косяки его были облицованы мраморомъ, а на мраморѣ выведены надписи золотыми буквами. Императоръ Николай I очень любилъ Морское Училище и часто невзначай посѣщалъ его. Пріѣдетъ, все осмотритъ, а потомъ усядется вотъ у этого самаго окна, собереть вокругъ себя воспитанниковъ, да такъ запросто съ ними и болтаетъ, какъ будто и не царь, а словно отецъ, что ли, или старшій братъ... Вотъ, въ память этихъ посѣщеній и были сдѣланы зол. надписи на мрам. доскахъ по обѣимъ сторонамъ окна.

Какъ то, наканунѣ училищнаго праздника, послѣ всенощной и ужина, поздно вечеромъ собралось насть трое у «Николаевскаго окна»: Калининъ, Полянскій и я. Калинину было, какъ и мнѣ, лѣтъ двѣнадцать, Полянскій же былъ «старый», т. е. провалившійся на экзаменахъ, отставшій отъ своихъ товарищѣй и потому поневолѣ примкнувшій къ намъ. Такіе «старые» пользовались уваженiemъ: съ ними нельзя было драться, а когда они что либо разсказывали, то ихъ слушали со вниманиемъ. Сидѣли мы въ одномъ бѣльѣ и говорили шопотомъ, потому что всѣ другіе уже спали; даже дежурный офицеръ и тотъ уже легъ въ своеѣ помѣщеніи въ концѣ общей спальни, за загородкой, легъ, конечно, не раздѣваясь и прислушиваясь сквозь дремоту къ малѣйшему шороху, всегда готовый встать и посмотретьть, все ли въ порядкѣ, всѣ ли спать. Застань онъ насть — была бы бѣда! Пропалъ бы нашъ праздничный отпускъ и пострадали бы баллы за поведеніе; вообще, было бы нехорошо, очень нехорошо...

Полянскій чуть слышнымъ голосомъ разсказывалъ намъ:

— Вотъ это окно, у котораго мы теперь сидимъ, тутъ сидѣлъ Императоръ Николай Павловичъ... Давно, ухъ какъ давно это было...

— Почти сто лѣтъ, небось? — неувѣренно спросилъ Калининъ.

— Дуракъ ты! Исторіи не знаешь, — обрѣзалъ его Полянскій. — Николай Павловичъ померъ во время Крымской кампаніи, а это было, знаешь, начальникъ намъ все твердить: «адмиралы Нахимовъ, Корниловъ, Лазаревъ»... — Онъ пересразилъ немногого гнусавый, добродушный голосъ начальника

училища и, избѣгнувъ такимъ образомъ вопроса о точномъ годѣ смерти Императора, въ которомъ повидимому самъ былъ не особенно увѣренъ, спросилъ уже серьезно и торжественно:

— Знаете ли вы что либо о фонъ-Дезинскомъ заговорѣ?

Мы съ Калининымъ переглянулись. Заговорѣ? Это очень таинственно... Нѣтъ, мы обѣ этомъ ничего не знали. А луна какъ разъ въ эту минуту заглянула въ окно и бросила сквозь тонкую штору дрожащее бѣлесоватое пятно у самыхъ нашихъ ногъ. Луна и — заговорѣ, а кругомъ — все спить. Страшновато!.. А Полянскій продолжалъ:

— Придвиньтесь поближе. Обѣ этомъ можно только шопотомъ разсказывать... (Мы придвигнулись, ощущая въ спинѣ легкій холодокъ)... Произошло это именно при Николаѣ Павловичѣ. За что, про что, кто ихъ тамъ знаетъ, разныя тамъ тайныя общества рѣшили убить царя и узнавъ, что онъ долженъ быть пріѣхать въ Морское Училище на праздникъ 6-го ноября, завлекли къ себѣ, ужъ не знаю, чѣмъ и какъ они его прельстили, одного гардемарина по фамиліи фонъ-Дезинъ, который съ нѣсколькоими своими товарищами обѣщалъ обрушить потолокъ, когда Государь войдетъ въ большой залъ...

— Какъ же такъ: обрушить потолокъ? — спросилъ я, поживаясь отъ охватившаго меня озноба.

— Да вотъ такъ! Очень просто: потолокъ то вѣдь на цѣпяхъ. Такъ они собирались перепилить цѣпи. Потолокъ и рухнуль бы, — пояснилъ Полянскій.

Мнѣ представилась картина рушащагося потолка, погребающаго подъ своими обломками нѣсколько сотъ человѣкъ, и мнѣ стало совсѣмъ страшно.

— Но заговорѣ не удался. Фонъ-Дезинъ за два дня до праздника узналъ, что его отецъ — флигель-адъютантъ онъ вѣрно былъ — пріѣдетъ съ Государемъ на праздникъ и, желая спасти отца отъ вѣрной смерти, сообщилъ начальству о заговорѣ, и заговорѣ провалился... Но дѣло этимъ не кончилось: участники заговора, узнавъ про измѣну фонъ-Дезина, заманили его ночью въ круглый залъ — знаете? «Компасный залъ», въ классномъ коридорѣ, и зарубили его тамъ палашами...

Мы вздрогнули, а Полянскій, взявъ насъ за руки, едва уже слышно договорилъ:

— И съ тѣхъ поръ, каждый гдѣ, въ ночь на 6-е ноября, по «Компасному залу» бродить привидѣніе: это духъ Дезина...

Калининъ слабо вскрикнулъ, а я закрылъ лицо руками: мнѣ видѣлся призракъ. Признаться по совѣсти, особенно храбрымъ я никогда не былъ, но все таинственное тѣмъ не менѣе меня всегда притягивало. Вопросы о смерти, о загробной жизни, о призракахъ и обо всемъ такомъ съ дѣтства жутко интересовали меня.

— Знаете, что? — сказалъ я послѣ продолжительнаго молчанія. — Пойдемте нынче въ полночь въ Компасный залъ. Посмотримъ сами — ходить тамъ привидѣніе или нѣтъ...

Калининъ посмотрѣлъ на меня, потомъ на Полянскаго и ничего не отвѣтилъ. Полянскій же зѣвнулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ вы идите одни, а я спать хочу.

Въ эту минуту изъ помѣщенія дежурнаго офицера послышался шумъ шаговъ и бряцанія сабли. Одно мгновеніе — и прежде чѣмъ въ глубинѣ обширной спальни показалась его сутуловатая фигура, мы всѣ трое уже лежали въ своихъ кроватяхъ съ закрытыми глазами. Онъ медленно прошелъ вдоль длинныхъ рядовъ кроватей, подозрительно поглядывая на спящихъ или притворившихся спящими, потомъ скрылся за своей загородкой, чтобы улечься на этотъ разъ уже до утра.

Полянскій спалъ далеко отъ меня; кровать же Калинина стояла рядомъ съ моей. Когда офицеръ ушелъ, я приподнялъ голову и шопотомъ окликнулъ сосѣда:

— Калининъ, пойдемъ въ Компасный залъ... — А развѣ ты рѣшилъ идти? — Да, непремѣнно. — Эка тебя разобрало! А, можетъ быть, Полянскій все навралъ? — Вотъ и увидимъ! — Брось! Во первыхъ, попасться можешь, а во вторыхъ, вдругъ привидѣніе и на самомъ дѣлѣ бродить... — Вотъ и увидимъ!

— Нѣтъ, я не пойду, — рѣшительно пробурчалъ Калининъ, подтянувъ одѣяло къ самому носу и вскорѣ тихо захрапѣлъ. Прошло минутъ двадцать. Часы, въ круглой деревянной рамѣ, висѣвшіе на стѣнѣ какъ разъ напротивъ нашихъ кроватей, показывали безъ десяти минутъ двѣнадцать. Я тихо всталъ и сперва произадумался: одѣться или такъ и идти въ одномъ бѣльѣ? Потомъ рѣшилъ не одѣваться: если кто меня встрѣтить — притворюсь лунатикомъ, благо, луна была. Смысленный былъ я мальчикъ, какъ теперь подумаю! Вышелъ я, крадучись изъ спальни, поднялся по узкой витой лѣстницѣ, ведшей въ классный коридоръ, миновалъ лазаретъ... Еще шаговъ 30-40 и я былъ бы въ Компасномъ залѣ. Сердце колотилось ужасно, да и холодно было!.. Гдѣ то вдалекѣ горѣла одна единственная лампа на весь классный коридоръ. Залъ, куда я направлялся, находился посреди коридора; это, въ сущности говоря, былъ даже не залъ, а, такъ сказать, расширение коридора, образовавшее круглый залъ, къ которому примыкали съ одной стороны «музыкальная комната», а съ другой — «физический кабинетъ». На полу разноцвѣтный паркетъ былъ расположенъ въ видѣ компаса. Вотъ здѣсь то, если Полянскій не совралъ, бродилъ въ ночь на 6-е ноября призракъ Дезина. Дошелъ я до зала. Темнота. Молчаніе. Только паркетъ изрѣдка потрескивалъ: по ночамъ все деревянное любить, Богъ вѣсть почему, потрескивать... Прижался я къ стѣнѣ, около

двери «физического кабинета» и жду. Дрожу и жду. Въ головѣ разныя страшныя мысли бродятъ... А время шло. По моему расчету, я стоялъ уже не меньше получаса. Ой! Совралъ Полянскій! Не пойти ли спать?

И вотъ вдругъ, изъ глубины коридора, съ того же конца, съ котораго пришелъ я, начало придвигаться что то бѣлое и колеблющееся. Оно точно плыло медленно и неслышно. У меня затряслись колѣни и въ вискахъ застучало. Боже мой! Что дѣлать? Что дѣлать? Бѣжать уже поздно: «оно» меня догонитъ... А призракъ все приближался и, наконецъ, вступилъ въ Компасный залъ. Въ полутьмѣ я отчетливо различалъ его бѣлыя очертанія. Представьте себѣ небольшого роста человѣка, закутанного съ головою въ простынью... Таковыимъ казался призракъ зарубленного гардемарина. Я хорошо это помню... Вдругъ этотъ призракъ повернуль въ мою сторону, точно замѣтя меня, и зашевелиль руками, или — крыльями... Я началъ усиленно креститься и мысленно прощаться съ родителями... Но тутъ произошло что то совершенно неожиданное и необъяснимое: у входа въ залъ появилось другое привидѣніе, такое же бѣлое, но немного выше ростомъ! Я вскрикнулъ и невольно протянуль руку въ сторону этого новаго призрака. Приблизившееся ко мнѣ привидѣніе, очевидно, замѣтило мое движеніе и какъ бы повернулось въ сторону, куда я указывалъ. Призраки, если можно такъ сказать о призракахъ, увидѣли другъ друга. Раздались одновременно два неистовыхъ крика, два совсѣмъ человѣческихъ крика, и призраки бросились бѣжать въ разныя стороны... Все это произошло такъ внезапно, что я и опомниться не успѣлъ. Я трясся, какъ въ лихорадкѣ, зубы мои стучали, со лба катились капли холоднаго пота.

Минутъ черезъ пять, однако, видя, что призраки окончательно исчезли, я немного успокоился и опрометью побѣжалъ назадъ по коридору и витой лѣстницѣ въ спальню. Господи! Какимъ раемъ мнѣ показалась эта спальня, какой небесной музыкой зазвучалъ храпъ спящихъ товарищѣ!.. Пробираясь къ своей кровати, я прошелъ мимо кровати Полянского: она была пуста. Пустою оказалась и кровать Калинина. Въ уборную они, вѣрно, пошли. Впрочемъ, я тогда надѣ этимъ долго и не задумывался. Пережитыя волненія изморили меня. Я повалился на постель и сейчасъ же заснулъ... На слѣдующее утро, когда я подошелъ къ зеркалу, чтобы причесаться, я замѣтилъ, что былъ очень блѣденъ. Но почему Полянскій и Калининъ показались мнѣ еще блѣднѣе — этого я уже никакъ въ толкъ не возьму. Да! Вотъ какія бывали въ мое время страшныя происшествія. Впрочемъ, теперь и еще того хуже бываютъ.

Кн. В. Барятинскій.

Кап. 2 ранга А. П. Лукинъ, Парижъ *).

Гнѣздо Петрово.

... И думаль онъ:

Отсель грозить мы будемъ шведамъ,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду...

Прошло сто лѣтъ. И юный градъ изъ тьмы лѣсовъ и топи
блать вознесся пышно, горделиво, вскормивъ гнѣздо морскихъ
волчатъ — великое и славное гнѣздо Петрово.

Мы всѣ — его сыны.

На берегахъ закованной рѣки, въ палатахъ Миниха, среди
захваченныхъ знамень «надменного сосѣда», картинъ баталій
и побѣдъ, росли и крѣпли мы. Изъ года въ годъ, шестого ноября
справляли праздникъ.

... Блистаетъ залъ. Въ углу кіотъ: Спаситель на водахъ.
Теплится синяя лампада. Могучій бюстъ Петра.

— Подъ знамя!

Сверкнула сталь штыковъ, забили барабаны. Глаза вол-
чать устремлены на входъ.

Колышится родной нашъ стягъ. Сѣдые адмиралы изъ золо-
ченыхъ рамъ сопутствуютъ ему. Сенявинъ, Ушаковъ, Нахи-
мовъ... Плеяда славныхъ. Гремитъ Петровскій маршъ. У анала
духовенство...

Но вотъ, однажды, въ канунъ шестого ноября, мы были въ
морѣ. Стоялъ густой туманъ. Всѣ были на чеку.

Вдругъ силуетъ... другой — заговорили пушки...

«На сихъ водахъ, свидѣтеляхъ героевъ — вашихъ пред-
ковъ, ввѣряю вамъ честь родины своей».

И честь была охранена. Завѣтъ Царя исполненъ...

Какъ незабвенный сонъ мы вспоминаемъ былыхъ времена.
Пришла на память давнишняя традиція у выпускныхъ гардема-
ринъ. Традиція сожженія Альманаха.

За три-четыре дня, когда ареопагъ мужей ученыхъ схо-
дился на экзаменъ, вывѣшивался въ залѣ бюллетень:

---

*) Александръ Петровичъ Лукинъ, мичманъ „царскаго“ выпуска, боевої офицеръ, имѣвшій „клюкву“, произведенный въ ст. лейтенанты за отличие и черезъ два года — въ капитаны 2 ранга, въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ известныхъ, чтобы не сказать, „самымъ известнымъ“, писателей моряковъ-зарубежниковъ. Лукина знаютъ всѣ... его статьи въ газетахъ и журналахъ читали всѣ эмигранты, его книги „Флотъ“ пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. И началась новая карьера к2р. Лукина ровно 10 лѣтъ тому назадъ — въ ноябрѣ 28 г. была напечатана его первая статья. Отмѣчая этотъ юбилей и поздравляя дорогого Александра Петровича, Редакція журнала искренне желаетъ юбиляру получить отъ Господа самый дорогой подарокъ: скорѣйшаго воз-
вращенія на Родину, на корабль подъ Андреевскимъ флагомъ и каждый день хвататься не за самопишуЩую ручку, а за ручки машиннаго телеграфа.

«Сэръ Нотикъ Альманахъ изволилъ заболѣть».

Начальство не допускало этого плаката, хотя само, въ свои давнишніе года, продѣлывало все точь въ точь и такъ же. Мы шли по ихъ стопамъ. (Традиція всегда освѣщена страданіемъ). И если исчезалъ плакать, пріобрѣтался шаръ, и съ этимъ бюллетенемъ пускался ввысь (въ столовомъ залѣ). Была тогда потѣха.

На завтра новый бюллетень: «Здоровье хуже, температура сорокъ два».

И, наконецъ, — «Скончался сэръ».

Въ тотъ день всѣ роты на цыпочкахъ сходились на обѣдъ. Покойникъ!.. За столами царила тишина. А малыши-кадеты, сидѣвшіе вблизи «Наварина», въ знакъ траура, до половины спускали его флагъ. А это строго воспрещалось. Сажали въ карцера.

А вечеромъ въ курилкѣ курился феміамъ... Выносится златая книга. Завѣтнѣйшая изъ завѣтныхъ: «Сказанія о Колыбели Флота». Какъ командиры ротъ ни прятали ее, ни запирали, всегда бывали смѣльчаки, что карцеромъ и отпускомъ рискуя, шли на проломъ, въ квартиру проникали и съ превеликимъ торжествомъ обратно въ роту книгу водворяли.

— И ты, Нептунъ, и вы, послы и гости, и ты, сэръ Нотикъ Альманахъ, лежащиѣ здѣсь, во гробѣ, послушайте ее.

— Вниманіе, смирно!

Когда нашъ Корпусъ основался,
Тогда разверзлись небеса,
Завѣсь священнѣйший порвался,
И были слышны голоса:

Курите, пейте, веселитесь,
Посадять въ карцеръ — не бѣда,
Учить уроковъ не трудитесь:
Не выйдетъ толку ни черта.
Скорѣй померкнетъ солнца свѣтъ,
На землю спустится Создатель,
Чѣмъ правъ останется кадетъ,
А виноватымъ воспитатель.

Гардемарину нуженъ ромъ,
Когда бѣжитъ онъ по брамъ-реѣ,
Вѣдь спотыкнуться можетъ онъ,
Не выпивъ рюмки романеи.

Тотчасъ же появлялся ромъ и по рукамъ пошла бутылка. Затѣмъ настала тишина. Перелисталася страница.

— Былина нашего гнѣзда:

Послушайте, ребята,
Исторью нашихъ бѣдъ, —
Начальствомъ мы богаты,
Порядка только нѣтъ.

Всѣ сѣли у камина въ семейный тѣсный кругъ. Такъ требовала тризна — преданія артикулъ.

Кадету тоже нуженъ ромъ,
Когда идетъ онъ на экзаменъ,
Вѣдь можетъ ошибиться онъ,
Сказавъ, что Цезарь былъ татаринъ.
Морякъ стучится въ двери рая.
Апостолъ Петръ ему въ отвѣтъ:
— Куда ты, рожа пропитая,
Для моряковъ тутъ мѣста нѣтъ!
Когда настанетъ страшный судъ —
Картина будетъ превосходна:
Всѣ праведники въ рай пойдутъ,
А моряки въ кабакъ по-взводно.
О, какъ прекрасенъ Божій міръ!
Мы въ немъ набиты, какъ селедки
И сожалѣемъ обѣ одномъ,
Зачѣмъ же море не изъ водки?!

Какая тутъ причина?
И гдѣ тутъ корень зла?
Расскажеть вамъ былина
Про давни времена.

Со славного Петрова
Мы въка поведемъ.
Впервые флотъ здоровый
Построенъ былъ при немъ.
И въ башнѣ Сухаревой
Онъ школу учредилъ,
Для плаванья морского
Насъ лоціи учили.
Сидѣли тамъ годами,
Учились ремесламъ
И выйдя штурманами,
Скитались по морямъ.
А послѣ академія
Для гвардіи морской,
Наукъ — что эпидемія
И весь пѣхотный строй.
Прислала намъ Царица
На праздникъ сто гусей,
Съ тѣхъ поръ въ ряду традицій
Хранимъ обычай сей.
Сама Екатерина
Подъ номеромъ вторымъ
Прислала намъ картину:
Чесменскій славный дымъ.
При ней мы разъ горѣли,
Лишь въ гавани спаслись.
На этой же недѣлѣ
Въ Кронштадтъ перевелись.
Нашъ однокашникъ Павелъ,
Когда взошелъ на тронъ,
Дверь рѣзко распахнулась... Дежурный офицеръ!!!... Такъ
оборвалась тризна...

Лишь тѣмъ себя прославилъ,
Что въ Питеръ перевель.
Въ Свеаборгъ мы бѣжали
Въ двѣнадцатомъ году,
Тамъ съ пуншемъ кексы жрали,
Не глядя на бѣду.
На царство Николая
Призваль вдругъ скоро Богъ.
Ласкалъ онъ насъ, играя,
Любилъ, на сколько могъ.
Сей богатырь суровый,
Державный властелинъ,
Прислалъ намъ въ залъ столовый
Бригъ славный — „Наваринъ“.
При предкахъ нашихъ славныхъ
(Рожновъ и Крузенштернъ)
Ходили мы исправно
Въ походъ, не дальше шхеръ.
Два Корсакова, Казинъ,
Давыдовъ, Епанчинъ
Смѣнялись по указу,
Хватая важный чинъ.
И много инвалидовъ
Смѣнялось здѣсь вътиши,
Хотѣлось имъ, какъ видно,
Порядокъ завести.
Изящныя манеры
Арсеньевъ намъ внушаль,
И въ корпусѣ карьеру
Себѣ тѣмъ основалъ...

Дежурный офицеръ!!!... Такъ

Какъ промелькнувшій сонъ мы вспоминаемъ и проказы.
Вотъ случай напримѣръ:

Былъ подполковникъ Вертъ. Добрѣйшій человѣкъ, любимый воспитатель. И все же, какую штуку мы выкинули съ нимъ.

Дежуриль какъ то онъ по ротѣ. Когда всѣ мирно улеглись, онъ снялъ свой вицъ-мундиръ, палашъ и трехуголку, одѣлъ пальто, прилегъ на кожанный диванъ и задремалъ.

Кадеты безъ сапогъ тихонечко подкралисъ. Вертъ сладко спить. Схвативъ палашъ, сюртукъ и шляпу, и мигомъ вонь — въ окно. Морозъ, туманно надъ Невой. Но это ли препона! Вата га бросилась туда, гдѣ надъ гранитною рѣкою, въ пустынѣ ночи темнѣлъ изъ бронзы Крузенштернъ. По спинамъ двухъ-трехъ крѣпышей вскарабкались на пьедесталъ. Въ два счета озябшій адмиралъ былъ облеченъ въ сюртукъ,увѣнчанъ шляпой. А милый Вертъ?.. Онъ крѣпко спалъ и ничего про то не зналъ. Какъ, вдругъ — побудка...

Вотъ былъ скандалъ!
А на Невѣ — толпа...

К2р. А. Лукинъ.

В. Н. Вѣчеславскій, Рига.

Послѣдніе гардемарины*).

Впервые столовую я увидѣлъ во время письменнаго экзамена по алгебрѣ. Долженъ сознаться, она мнѣ показалась огромной. Во всю длину было разставлено свыше сотни столовъ, разделенныхъ широкими проходами, и за каждымъ изъ нихъ сидѣло по экзаменующемуся.

Высокія сводчатыя окна, а между ними на зеленыхъ стѣнахъ мраморъ, золото, связки знаменъ. Бронзовая фигура Императора Петра Великаго, основателя навигаціонной школы, съ высоты своего пьедестала слѣдила за каждымъ движениемъ экзаменующихъ. Тишина. Въ головѣ квадратныя уравненія. Рукамъ холодно. Несмотря на то, что рядомъ съ тобой всего въ двухъ метрахъ сидить живой человѣкъ, чувствуешь себя абсолютно одинокимъ.

Потомъ я помню залъ совсѣмъ инымъ. Обѣдъ. Роты строемъ входятъ въ столовую. Кадеты и гардемарины выстраиваются вокругъ столовъ. Сигналъ на молитву. Хоръ изъ восьми сотъ голосовъ. «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ»... Трубить горнистъ. Шумъ раздвигаемыхъ скамей тонеть въ сплошномъ гулѣ самыхъ пріятныхъ разговоровъ. Дѣловое позывакиваніе ложекъ, ножей, вилокъ. Залъ, казавшійся такимъ холоднымъ въ мое первое посѣщеніе, сталъ уютнымъ.

Помню я его еще и въ другой обстановкѣ. Свѣтъ зажженныхъ люстръ, блескъ паркета и золотого шитья наа черныхъ мундирахъ, весь батальонъ построенъ въ ротныя колонны, съ оркестромъ на лѣвомъ флангѣ, вице-адмиралъ съ сѣдымъ клиномъ бороды на алої орденской лентѣ торжественно кашлянулъ и поздоровался.

— Здравствуйте, гардемарины, кадеты и команда!

Сейчасъ изъ всѣхъ измѣреній зала мнѣ почему то вспоминается только одно — длина 33 сажени. Почти что длина миноносца. Мнѣ трудно представить его площадь, но знаю, что на нашихъ балахъ подъ два духовыхъ оркестра въ немъ танцевало до 2000 паръ. Но ночью онъ становился еще больше, какъ то раздвигался, уходилъ въ темноту и казался совершенно безконечнымъ. Стоявший въ немъ бригъ «Наваринъ» былъ большимъ настоящимъ кораблемъ, а дежурная лампочка казалась звѣздой надъ штилевымъ моремъ, бросая узкую скользкую полоску на отлично натертому полу. Смутный силуэтъ первого Императора, тусклый блескъувѣнчанныхъ георгіевскими лентами именныхъ досокъ, тѣни знаменъ и флаговъ. Здѣсь была собрана вся исторія двухсотъ съ лишнимъ лѣтъ существованія русскаго флота, имена героевъ, овѣянныхъ легендами, и трофеи ихъ подвиговъ.

*) Перепечатано изъ „Журнала для всѣхъ“, Рига.

«Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы флагъ истребленного непріятельского монитора хранился въ стѣнахъ морскаго училища... Жалуемъ ему нынѣ гюйсъ, взятый кораблемъ «Владиміромъ» при плененіи египетскаго корвета «Первазъ-Бехри»... Видъ сего флага да возбудить въ малыхъ питомцахъ сего заведенія, посвятившихъ себя морской службѣ, желаніе подражать храбрымъ дѣяніямъ, на томъ же поприщѣ совершенными».

Здѣсь, въ этомъ залѣ, передъ шестью монархами одно за другимъ церемоніальнымъ маршемъ проходили молодыя поколѣнія офицеровъ Россійскаго Императорскаго Флота. Здѣсь звучало громовое «ура» побѣдамъ при Гангутѣ, Наваринѣ и Синопѣ.

***

Старшаго лейтенанта Ивана Васильевича Семенова въ корпусѣ не любили за его излишнее любопытство къ личной жизни гардемариновъ и кадетъ. Все началось съ того, что Семеновъ вдругъ, съ какимъ то болѣзnenнымъ интересомъ, сталъ слѣдить за жизнью старшой гардемаринской роты. Правда, онъ былъ взводнымъ командиромъ, но по службѣ совсѣмъ не полагалось чуть ли не съ утра до вечера находиться въ ротныхъ помѣщеніяхъ, разгуливать, заложивъ руки за спину, и испытующе всматриваться въ лицо всѣхъ встрѣчныхъ. Еще менѣе полагалось ночью, не въ дежурство, бродить по спальнямъ и читать при свѣтѣ карманнаго фонарика доски надъ пустыми кроватями ушедшихъ въ отпускъ. Но еще хуже было то, что нѣкоторые изъ кадетъ замѣтили, какъ онъ въ отсутствіе роты ходилъ по пустому ротному залу и заглядывалъ въ кое какія гардемаринскія конторки. Все это, конечно, вызывало, возмущеніе. Зная наклонности лейтенанта къ сыску, кадеты этому не удивлялись. Но причины этого поведенія оставались, однако, непонятными. Жизнь въ общемъ текла тихо и до смѣшного смирно. Даже не было случая, чтобы кто нибудь, будучи въ отпуску, въ трамваѣ повздорилъ съ пѣхотнымъ юнкеромъ или съ какимъ нибудь изъ военныхъ чиновниковъ за неотданіе чести...

— Что разыскиваетъ Иванъ? — говорили въ курилкѣ, традиціонномъ ротномъ клубѣ, — что онъ вынюхиваетъ?

Поведеніе его было весьма загадочнымъ, но понять его никакъ не могли.

Наконецъ тайна открылась. Оказалось, что въ теченіе недѣли дежурные офицеры по корпусу, по батальону и даже по кадетскимъ ротамъ стали находить у себя въ столикахъ, въ карманахъ кителей визитныя карточки съ загнутыми уголками. Какъ известно, загнутый уголокъ означаетъ: былъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ. Но кто же именно былъ? На этотъ воп-

рость визитные карточки отвѣчали прямо и безъ всякихъ увертокъ. Изящнымъ шрифтомъ на нихъ было въ широкой траурной рамкѣ напечатано: «Антонъ Кречеть». Визитная карточка была всего лишь предисловіемъ. Слѣдуя правиламъ свѣтскаго тона, Антонъ Кречеть, представившись начальству корпуса, сразу же началъ дѣйствовать.

Командиръ четвертой роты капитанъ 1 ранга Нахыковъ, по кадетскому прозвищу «Ветчина», послѣ труднаго дня дежурства по корпусу, рѣшилъ лечь спать. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ неважно, потому что на утреннемъ батальонномъ ученьѣ рота шла нарочно не въ ногу, за обѣдомъ экономъ корпуса подаль ветчину съ горошкомъ, что вызвало безтактный восторгъ всего столоваго зала. Но теперь трудный день позади, завтра смѣна, а сегодня превосходная мягкая кровать, на которой по уставу онъ могъ спать раздѣвшись.

Нахыковъ былъ человѣкъ пожилой, полны, медлительный въ движеніяхъ, давно привыкшій къ береговой службѣ и любившій больше всего на свѣтѣ отдыхать или, по выражению моряковъ, «кейфовать».

Раздѣлся онъ не спѣша. На стулѣ, рядомъ съ кроватью, по давней привычкѣ, разложилъ: портсигаръ, серебряную спичечницу и часы. Продѣлавъ все это, онъ не спѣша полезъ подъ одѣяло, но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Ноги встрѣтили какое то препятствіе. Каперангъ никакъ не могъ ихъ просунуть дальше половины кровати. Отъ обиды онъ разозлился. Вѣдь ему сдѣлали «мѣшокъ», точно такой же, какой когда то лѣтъ тридцать тому назадъ, когда онъ учился въ корпусѣ, дѣлалъ самъ. Верхняя простыня, вдвое сложенная и нижней своей половиной подвернутая подъ матрацъ, такъ, что въ ней непремѣнно запутаешься. Даже тогда, когда онъ былъ кадетомъ и гардемариномъ, ему не приходилось садиться въ «мѣшокъ», а теперь, на старости лѣтъ, онъ попался, какъ мальчишка. Не хватало еще, чтобы ему узлами завязали рукава ночной рубашки? Тогда было бы все въ порядкѣ...

И, дѣйствительно, рукава ему тоже завязали. Увидѣвъ это, онъ разозлился. Кто могъ позволить такую штуку? Кто?..

Соскочивъ съ кровати, онъ раскидалъ постель и увидалъ: подъ подушкой лежала траурная визитная карточка, «Антонъ Кречеть», а внизу по французски сдѣлана еще какая то надпись. Одѣвшись, онъ прошелъ въ картинную галлерею, гдѣ дежуриль по батальону лейтенантъ Свенцицкій.

— Посмотрите, лейтенантъ, что за безобразіе, — горячась, говорилъ к-нъ, -- опять карточка, да еще съ какой то надписью.

— Такъ точно, господинъ капитанъ, — вѣжливо, чуть чуть улыбаясь уголкомъ рта, отвѣтилъ Свенцицкій, — тутъ написано «ветчина».

— Знаю, — круто повернувшись, отвѣтилъ каперангъ, уходя обратно въ спальню, чтобы позвать дневального. На ходу онъ подумалъ о томъ, какъ теперь распустилась молодежь.

Лейтенантъ Свенцицкій за свою любовь къ дисциплинѣ въ корпусѣ носилъ кличку «здравія желаю», долго смѣялся выходкѣ кадетъ, онъ недолюбливалъ каперанга и предвкушалъ удовольствіе завтра разсказать въ собраніи объ этой продѣлкѣ. Но смѣялся онъ совершенно напрасно...

Ложась спать, онъ раздѣлялся, что ему, какъ дежурному по батальону, не полагалось. Обычно этотъ пунктъ устава всегда не соблюдался. Проснувшись утромъ, лейтенантъ обнаружилъ, что у него пропали штаны. Не оказалось ихъ ни на стулѣ, ни подъ кроватью, ни на письменномъ столѣ. Обезпокоенный, онъ изъ своей ниши выглянулъ въ галлерею и увидѣлъ свои брюки висящими на люстрѣ. Со стула было не достать, пришлось тянуть тяжелый столъ и поставить на него стулъ. Въ это время въ дверь постучали и сразу же, не ожидая отвѣта, вошли два дежурныхъ отъ старшей и третьей роты. Не обращая вниманія на странное поведеніе лейтенанта, они сдѣлали утренній рапортъ и, окончивъ его, вѣжливо предложили помочь. Свенцицкій накричалъ на нихъ, обѣщаю посадить подъ арестъ.

Лейтенантъ великодѣльно зналъ, что черезъ полчаса о проишествіи будетъ знать весь корпусъ.

Надѣвъ брюки, Свенцицкій почувствовалъ въ карманѣ бумагу. Засунувъ руку, онъ досталъ карточку съ траурной каймой, на которой было написано: «Поступай такъ, какъ говорить уставъ. Будь счастливъ, „Здравія желаю“».

Поспѣшно одѣвшись, лейтенантъ вышелъ въ коридоръ тогда, когда часть ротъ уже прошла въ столовую. Только послѣднюю, четвертую, онъ пропустилъ мимо себя.

— Рота, смирно, — скомандовалъ фельдфебель баронъ Штиглицъ, — равненіе на-лѣво.

— Вольно! — крикнулъ онъ.

По глазамъ, чуть улыбающимся, задорнымъ, насмѣши-вымъ, лейтенантъ понялъ, что корпусъ знаетъ обо всемъ, что произошло утромъ.

— Вольно, — повторилъ невозмутимо фельдфебель.

Въ результатѣ Свенцицкій остался безъ утренняго чая. Въ довершеніе — непріятный разговоръ съ начальникомъ строевой части, послѣ чего, смѣнившись съ дежурства, прошелъ домой и, не отвѣчая на разспросы жены, слегъ въ постель съ повышенной температурой.

Въ тотъ же день въ столовомъ залѣ разыгрался колоссальный скандалъ. На хорахъ въ честь обѣда появилась огромная, аршинными буквами, надпись: «Дерьмо». По залу пронесся гулъ и дежурный по корпусу старшій лейтенантъ Семеновъ,

расплескивая щи, вскочилъ изъ-за стола. Это его въ корпусъ кадеты и гардемарины называли Иванъ Дерьмо, и прозвище свое онъ зналъ.

— Дерь-мо, — хоромъ пропѣлъ какой то отдаленный столъ.

— Дневальный! — закричалъ Семеновъ и самъ не узналъ своего голоса. — Убратъ!

— Ку-ку-ре-ку! — пропѣлъ гдѣ то въ углу за спиной лейтенанта молодой озорной голосъ.

— Красота, — сказалъ старшій унтеръ-офицеръ Василій Бахметьевъ, и сидѣвшіе за его столомъ кадеты четвертой роты разразились восторженнымъ «ура».

— Потише, молодежь, остановилъ ихъ Бахметьевъ. — не терять чувства мѣры и не стараться отличиться. Давайте лучше послушаемъ нашего многоуважаемаго Ивана.

— Убратъ эту гадость, — все еще неистовствовалъ Семеновъ, хотя лысый дежурный служитель изъ отставныхъ моряковъ, въ бѣломъ передникѣ, уже поднимался по лѣстницѣ, чтобы убрать плакать.

— Прелестный голосъ, — замѣтилъ Бахметьевъ, склонный чуть чуть къ ироніи. — Почему онъ не поетъ въ оперѣ?

— Ему бы цветы послать! сказалъ кадетъ Ларіоновъ, влюбленный въ свое непосредственное начальство.

— Вы правы, мой другъ, — согласился Бахметьевъ.

Унтеръ-офицеры, или на кадетскомъ жаргонѣ «капралы», изъ старшой роты назначались въ прочія для поддержанія порядка и дисциплины. Конечно, имъ бы слѣдовало въ подобномъ случаѣ вести себя иначе, но весь корпусъ ненавидѣлъ Семенова, а традиціонная дружба была сильнѣе устава. Фельдфеблю младшей роты, шестой, конечно, было неудобно самому участвовать въ «розыгрышѣ», но онъ все же вполнѣ дипломатично сумѣлъ содѣйствовать общему веселью.

— Въ мое время, — вздохнулъ онъ, — славная шестая непремѣнно лаяла и мяукала.

Этотъ совѣтъ великолѣпно поняли кадеты и незамедлили имъ въользоваться.

Уже давно плакать былъ снятъ и переданъ дежурному и вынесенъ изъ зала. За щами подали зразы съ гречневой кашей, а Семеновъ сдѣлалъ видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Но залъ все еще гудѣлъ, какъ взбудораженный улей, и обидное для лейтенанта слово все еще неслось надъ общимъ гуломъ.

Хуже всего, однако, для Семенова была небольшая карточка, которую онъ сорвалъ съ принесенного ему дневальнымъ плаката.

Во всѣхъ ротахъ, кромѣ гардемаринской, унтеръ-офицерамъ была отведена отдѣльная комната, носившая наименование унтеръ-офицерской — курилки.

Мебель въ комнатѣ стояла нехитрая: конторки изъ желтаго дерева и табуреты. Въ ней разрѣшалось курить.

Сегодня въ курилкѣ предсѣдательствовалъ Степа Овинъ, направляя все время бесѣду на свою любимую тему — Черноморскій флотъ. Степа былъ восторженнымъ черноморцемъ. Онъ могъ часами говорить о «Гиѣвномъ», «Пронзительномъ», которые, какъ онъ увѣряялъ, ходили въ три раза быстрѣе новыхъ Балтійскихъ миноносцевъ, о блестящихъ бояхъ съ «Гебеномъ» и «Бреслау» и, конечно, о Севастополѣ, веселой жизни въ Приморскомъ бульварѣ.

Сейчасъ Степа серьезно разбиралъ операциіи у Дарданелль. Говорилъ съ увлеченіемъ, размахивая руками такъ, что чуть не опрокинулъ ящикъ для окурковъ.

— Конечно, англичане возьмутъ проливъ, а въ то же время съ Чернаго моря мы высадимъ на подступахъ Босфора десантъ, который уже готовъ въ Севастополь. Царьградъ будетъ нашъ, и тогда Черноморскій флотъ будетъ Средиземноморскимъ, будеть плавать въ Италію... Получится сплошная красота.

— Степа, — остановилъ его Бахметьевъ, — пожалуйста, перестань молоть чепуху!

— Чепуха? — возмутился Степа. Какую чепуху? Неужели ты не понимаешь? Туровъ въ два счета вышибутъ въ Азію и конецъ.

— Такъ ли? — замѣтилъ фельдфебель Домошенко, тоже «черноморецъ», но болѣе положительный.

— Конечно, — отвѣтилъ Овинъ. — Ясно, какъ палецъ. Боюсь только, что мы съ тобой туда не поспѣемъ. До выпуска осталось еще цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ.

— Послушай, англичане что то долго возятся у Дарданелль, — сказалъ Домошенко, — и что будетъ дальше, неизвѣстно. Попробуй, назови мнѣ случай, когда флотъ бралъ береговую крѣпость.

— Конечно, — поддержалъ Колосниковъ, тихій блондинъ изъ породы зубриль, — благодаря настыльности свеего огня, судовая артиллерія не имѣть возможности поражать складки мѣстности, въ которыхъ могутъ укрыться батареи береговой охраны.

— Садитесь, — махнулъ рукой Бахметьевъ, — двѣнадцать балловъ, — и, повернувшись къ Овину, сказалъ: — Бѣда мнѣ съ тобой, Степа. Втравиши ты меня въ войну съ Англіей, потому что Черноморскій флотъ, сдѣлавшись Средиземноморскимъ, не понравится ей опредѣленно.

— Несомнѣнно, — согласился Колосниковъ. — На примѣръ кампаній Ушакова и Сенявина ясно видно, что...

— Довольно, довольно, — перебилъ Бахметьевъ. — Васъ не спрашиваютъ. Замолчи, пожалуйста. — Но не успѣлъ онъ окончить, какъ въ курилку влетѣлъ старшій гардемаринъ Костя Неймановъ.

— Очередной номеръ! Опять Кречеть! Молодчина! Опять обложилъ Ивана!

— Стой! — схвативъ его за руку, спросилъ Бахметьевъ, — что случилось?

— Пусти! — Костя физически не могъ говорить, когда его держали. — Вы понимаете, до чего здорово. Онъ прислалъ ему букетъ цветовъ.

— Кто? Кому? Почему и зачѣмъ? — не понялъ Бахметьевъ.

— Конечно, Кречеть, а не наоборотъ. Ты дуракъ. Здоровый букетъ съ какими то ленточками и на карточкѣ написано: «За незабываемое сольное выступление такого то числа въ столовой залѣ отъ благодарного поклонника» или что то въ этомъ родѣ.

— Врешь? Откуда ты знаешь? — усумнился Домашенко.

— Что ты самъ написалъ.

— Нѣть, не вру. Мичманъ Шавеловъ видѣлъ. Читалъ и потомъ рассказалъ нашимъ.

— Иванъ рассказалъ? — И Бахметьевъ покачалъ головой. — Ты что то путаешь?

— Да нѣть же! Ты идіотъ! Шавеловъ, конечно. Онъ у насъ въ прошломъ году капраломъ былъ. Ну, и разсказывалъ по дружбѣ.

— Спасибо, — расхохотался Бахметьевъ. — Теперь ясно, какъ шоколадъ. А то я испугался, что ты Кречеть и разбалтываешь свои секреты.

— Я? ахнулъ Неймановъ. Кречеть?

— Впрочемъ, — сказалъ Домашенко, — я бы тоже хотѣлъ знать, кто такой Кречеть?

— Зачѣмъ? — спросилъ Бахметьевъ.

— Я бы посовѣтовалъ ему бросить это дѣло. Слишкомъ оно рискованно...

— Конечно, рискованно, очень рискованно, — взволнованно сказалъ Колосниковъ. — Вѣдь это здорово смѣло и, если поймаютъ, его навѣрняка вышибутъ.

Бахметьевъ усмѣхнулся.

— Вышибутъ, говоришь. Нѣть, юноша, здѣсь пахнетъ похуже вышибки...

(Продолженіе слѣд.).

В. Н. Вѣчеславскій.

Кор. гард. Г. А. Усаровъ, Алжиръ.

20 лѣтъ спустя.

Послѣднее 6-е ноября въ Петроградѣ. (6 ноября 1917 г.).

Быстро летитъ время. Вотъ уже почти четверть вѣка отдѣляеть нась отъ празднованія въ послѣдній разъ шестого ноября въ стѣнахъ нашего стараго и дорогого всѣмъ Корпуса. Кажется, это было вчера, но начинаешь вспоминать и видишь, какъ много забылось, какъ въ памяти осталось только самое главное и тогда становится понятнымъ, какой громадный промежутокъ времени отдѣляеть нась отъ того момента. И только нѣсколько записей, сдѣланныхъ на-спѣхъ карандашемъ въ записной книжкѣ, случайно уцѣлѣвшей до сихъ поръ, позволяютъ мнѣ въ краткихъ чертахъ воскресить это событіе.

Долженъ сказать, что во время большевицкаго переворота, а именно 25 октября, въ Корпусъ пришла рота солдатъ, а, можетъ быть, и больше, и со всѣмъ своимъ скарбомъ они размѣстились въ столовомъ залѣ. Заняли всю его лѣвую половину. Духъ, конечно, стоялъ въ залѣ отчаянный, такъ какъ товарищи, не желая мерзнуть, оконъ не открывали. Такимъ образомъ, весь батальонъ Корпуса для ъды «втиснулся» на правую сторону зала. Чтобы не «раздражать» безцѣльно эту «публику», молитвы не пѣли и выходили изъ-за столовъ безъ строя, по способности. Подходило 6-е ноября. Мы съ волненіемъ и нетерпѣніемъ ждали ухода изъ зала «товарищѣй» и боялись, что, не дай Богъ, они останутся на шестое. Тогда, все погибло...

Наконецъ, желанный моментъ насталъ: 4-го ноября они покинули Корпусъ. И въ этотъ день за обѣдомъ у насъ не было чая: не успѣли его заварить, такъ какъ всѣ дневальные были взяты на уборку зала и натирание паркета.

5-го ноября (воскресенье) залъ былъ чистъ и сиялъ, какъ и раньше. Идетъ первый снѣгъ. Улицы покрыло бѣлымъ мягкимъ покровомъ. Нева сизая, сизая и дивно красива въ своихъ бѣлыхъ берегахъ.

Вечеромъ, одѣвшіи все новое, желающіе пошли въ церковь. Въ это время уже было отмѣнено обязательное хожденіе въ церковь. Церковь уютная и нарядная блестала подъ яркимъ свѣтомъ люстры и множества свѣчей. Служило нѣсколько священниковъ и дьяконовъ. Много офицеровъ и посторонней штатской публики. Все дышало торжественностью, событія вѣнчанія міра были гдѣ то далеко, далеко; здѣсь же все было тихо и мирно. Служба затянулась и кончилась только въ 20 ч. 45 м.

Послѣ чая у насъ въ ротѣ качали дежурнаго офицера мичмана Ромашева, фельдфебеля ст. гард. (а теперь мичмана) Рѣпина и другихъ унтеръ-офицеровъ.

6-го, одѣвшись съ утра въ первый срокъ, насъ ждалъ первый сюрпризъ за утреннимъ чаємъ: къ нему подали бѣлыя,

какъ снѣгъ, сладкія булки. Если вспомнить то время, когда такъ тяжело было съ продовольствіемъ, и особенно въ Петроградѣ, то, конечно, будетъ понятнымъ нашъ искренній восторгъ передъ бѣлыми сладкими булками.

Затѣмъ желающіе отправились въ церковь, но до конца службы постоять не пришлось: пришедшіе унтеръ-офицеры вызвали насъ въ роты. Тамъ, построившись, и послѣ тщательнаго осмотра ротнымъ командиромъ, пошли въ столовый залъ, гдѣ выстроился весь батальонъ. Батюшка отслужилъ молебень и сказалъ проповѣдь. Затѣмъ говорилъ начальникъ училища ген. Бригеръ. Послѣ чего, пройдя мимо начальника училища, вернулись въ роты. Въ часъ дня пошли обѣдать. Столы были красиво уbraneы. Начальникъ училища и всѣ офицеры обѣдали вмѣстѣ съ нами. Было немногого и не корпусныхъ офицеровъ.

На первое былъ поданъ бульонъ и пирогъ съ капустой. На второе — традиціонный гусь съ капустой. Гуся были объемистыя порціи. И, наконецъ, на третью была чай со сладкимъ яблочнымъ пирогомъ. Все было очень вкусно, обильно и мы всѣ остались чрезвычайно довольны и удивлялись, какъ нашему начальству удалось въ переживаемое трудное время достать все необходимое для обѣда. До ужина всѣ были свободны и каждый дѣлалъ, что хотѣлъ.

Въ шесть часовъ вечера былъ ужинъ. Ужинъ оказался самый простой и даже скучный для нашихъ кадетскихъ аппетитовъ: кусокъ мяса съ картошкой. Обычнаго чая не было. Ввиду того, что весь запасъ сахара и бѣлой муки ушелъ на обѣдъ, мы до самаго закрытія училища не получали больше сладкаго чая послѣ завтрака и обѣда, а также бѣлыхъ булочекъ къ утреннему чаю. Онъ были замѣнены кускомъ чернаго хлѣба.

Вотъ какъ прошло и ушло въ вѣчность послѣднее шестое ноября стараго Корпуса. Съ какимъ теплымъ чувствомъ вспоминаешь теперь эти давно и безвозвратно ушедшия дни!

Г. Усаровъ.

Принимается подписка на „Морской Журналъ“

на 1938 годъ.

Подписная плата — 56 кр. чешск. (2 доллара).

Кор. гард. А. П. Покотиловъ, Парижъ.

Выпускъ 6-XI-22.

(13 группа Военно-Морского Союза).

6 ноября с. г. въ день корпусного праздника Морского Корпуса исполняется 15 лѣтъ производства нашего выпуска въ корабельные гардемарини, послѣдняго выпуска, полностью окончившаго Корпусъ со дня его основанія въ 1701 году. Производство состоялось въ обстановкѣ совершенно исключительной, на форту «Джебель Кебиръ», въ обстановкѣ очень бѣдной и суровой. Съ большимъ трудомъ все же удалось ко дню производства «сдѣлать форму» и радостно отпраздновать знаменательный день.

Вскорѣ часть выпуска уѣхала получать высшее образованіе въ Европу, часть же была расписана по судамъ эскадры и была ласково принята офицерскимъ составомъ и дружно слилась съ единой морской семьей. Сколько любви было вложено на поддержаніе въ порядкѣ родныхъ судовъ и какъ горько было разставаться съ родными кораблями. Постепенно всѣ разсыялись по разнымъ странамъ и вотъ тогда то и сказалась истинная спайка ротной семьи. Неутомимой энергией безсмѣннаго предсѣдателя Объединенія кор. гарда Гусева выпускъ положилъ основаніе созданію Военно-Морского Союза при своемъ безспорномъ авторитетѣ послѣднимъ Командующимъ Флотомъ в.-а. М. А. Кедровъ, къ которому естественно потянулись офицеры, вмѣстѣ прошедшіе Добровольческую Армію.

Такая сплоченность Объединенія привлекала вниманіе различныхъ политическихъ организаций, но Объединеніе строго держалось принципа чисто военной организаціи и не связывало себя ни съ какой группировкой, что и оказалось совершенно правильнымъ.

Объединеніе состоить изъ трехъ группировокъ: Алжирской, предсѣдатель которой кор. гард. Ванушинъ состоить также предсѣдателемъ всей русской колоніи въ Алжирѣ, Парижской и сборной.

Многіе члены Объединенія состоять въ Кружкѣ ревнителей морскихъ знаній подъ предсѣдательствомъ ст. лейт. Стеблинъ-Каменского, многіе энергичныемъ настояніемъ ст. лейтенанта Гесселя и мичм. Майдановича кончили курсы на званіе плутонговыхъ командировъ и успѣшно сдали экзамены.

Пятнадцать лѣтъ — достаточный срокъ, показывающій жизненность организаціи, и мы надѣемся, что, какъ бы ни сложилась неблагопріятно обстановка, мы всегда сохранимъ нашу спайку и единеніе во главѣ съ нашимъ Командующимъ в.-а. М. А. Кедровымъ.

Кор. гард. А. Покотиловъ.

Закладка морского храма въ Бизертѣ.

10 октября въ Бизертѣ, послѣдней стоянкѣ Русского Флота, состоялась торжественная закладка Храма-памятника кораблямъ Русской эскадры, спасшей при послѣдней эвакуациі Крыма въ 1920 году болѣе 130 тысячъ русскихъ людей и въ томъ числѣ остатки арміи ген. Врангеля.

Въ 1930 г. былъ образованъ Комитетъ по сбору средствъ на сооруженіе этого памятника небывалой еще въ исторіи эвакуациі. Предсѣдательство Комитетомъ принялъ на себя в.-адм. Герасимовъ, вскорѣ скончаашійся; его замѣнилъ в.-адм. С. Н. Ворожейкинъ. Съ большимъ трудомъ Комитету удалось собрать средства, давшія возможность начать постройку по проекту архитектора Сухаржевскаго. Въ помощь Комитету въ Бизертѣ образовалось Религіозно-Православное Общество, на имя кото-раго и совершается постройка; во главѣ этого Общества сто-итъ к1р. Гильдебрандтъ.

На церемонію закладки были приглашены всѣ высшія французскія и тунисскія власти, военные и гражданскія, вся рус-ская колонія Тунізіи, послѣдній командующій эскадрою к.-адм. Беренсъ и командиры кораблей. Закладку совершилъ митрофор-ный протоіерей Константинъ Михаловскій при участіи Тунис-скаго хора подъ управлениемъ г. Русаневича. Мѣсто будущей церкви, строящейся во имя св. Благовѣрнаго вел. кн. Александра Невскаго, было красиво убрано флагами, причемъ около мѣста будущаго св. Престола красовались русскіе флаги — морской Андреевскій и національный. Въ закладной камень были вложе-ны икона Спасителя, коробочка съ русской землей и кусокъ пергамента съ „надписаніемъ“ о закладкѣ. Во время церковной службы при закладкѣ были помянуты Императоры, носившіе имя св. Александра, и Царь-Мученикъ Императоръ Николай II, а также воины, павшіе за Родину. Трогательная церемонія за-кладки русскаго храма произвела на иностранцевъ глубокое впечатлѣніе.

Первый камень будущаго морского храма положенъ, по-стройка началась, но для ея окончанія средствъ еще не вполнѣ достаточно. Завершеніе постройки требуетъ усилия всѣхъ рус-скихъ людей на чужбинѣ. Достаточно самой малой жертвы, не-обременительной для самаго скромнаго бюджета, но необходимо, чтобы жертву эту принесли **всѣ и не откладывая на завтра**, ибо доброе намѣреніе, отложенное на завтра, остается неисполненнымъ. Докажемъ, что Национальная Россія не поги-ла, что мы не побѣждены и никогда не сдадимся.

Пошлите вашу жертву по адресу казначея Комитета — Mr. Janouchevsky, Maison Hersent, rue d'Espagne. Bizerte, (Tu-nisie).

— Въ воскресенье 17 октября, въ день гибели лин. кор. «Слава» въ Рижскомъ заливѣ въ 1917 году, бывшій боцманъ корабля **Зайцевъ**, проживающій въ Гельсингфорсѣ, просилъ духовенство отслужить панихиду по всѣмъ убитымъ на кораблѣ и пригласилъ на панихиду гг. офицеровъ Флота, проживающихъ въ Гельсингфорсѣ.

Усопшіе.

— 22 октября въ Гельсингфорсѣ скончался лейт. **Эйнаръ Карловичъ Шзачкъ** (вып. 1912 г.), служившій въ финляндск. флотѣ. Отъ О-ва б. офицеровъ Императорскаго Флота на могилу покойнаго былъ возложенъ вѣнокъ.

Юбилей выпуска 1912 года.

— Однокурсники выпускa 1912 года шлютъ изъ Нью-Йорка наилучшія пожеланія своимъ однокашникамъ по случаю 25-лѣтія выпускa.

Макаровъ, Рязановъ, Кернъ, Трубчениновъ, Костенко, Ланковскій, Никольскій, Ежовъ, Масловъ, Дружининъ, Унмутъ, Мѣшаевъ.

— Морскіе офицеры выпускa 1912 года, собравшись дружной семьей въ парижскомъ Морскомъ Собраниі въ день 25-лѣтняго юбилея производства, вспоминаютъ дорогихъ товарищѣй своихъ, привѣтствуютъ ихъ и ихъ семьи, почтительно чтятъ память погибшихъ и выражаютъ горячую надежду встрѣтиться снова подъ сѣнью Андреевскаго флага на службѣ дорогої Родинѣ-Россіи.

В. Алексѣевъ, Б. Борисовъ, Н. Дамаскинъ, В. Николаевъ, Б. Степановъ, А. Штексеръ, В. Штральборнъ, Б. Эмеретли.

Подписчики.

Съ 1 октября по 8 ноября на «Морской Журналъ» на 1937 годъ (или полгода) подписались слѣд. лица: 248) А. В. Зернинъ, Тунисъ, 249) С. В. Гладкій, Нью-Йоркъ, 250) Б. М. Четверухинъ, Гольсингфорсъ, 251) Е. Т. Куликовская, Черновцы, Румынія, 252) В. А. Штранльборнъ, Парижъ, 253) П. Г. Кушаковъ, Лозанна, 254) В. Б. Котельниковъ, Марсель, 255) П. Н. Бунинъ, Дубровникъ, 256) С. К. Максимовъ, Алжиръ, 257) Ф. К. Виноградовъ, Парижъ.